

**Автор: Михаил Николаевич Юхма**

**Книга: Шурсямга, молодой волк**

**Повесть: Шурсямга, молодой волк**

Голодный Шурсямга уже четвертые сутки неутомимо рыскал по настороженно притихшему зимнему лесу, но все старания его были напрасны – ни единого свежего заячьего следа, ни одного зарывшегося на ночь в сугроб и беспечно задремавшего тетерева, ни даже захудалой мышинной норы не повстречалось ему на пути. За эти дни он изрядно отошал, бока ввалились, поджарый живот, и вовсе прилип к хребту, однако мускулистые лапы по-прежнему ступали пружинисто и бесшумно, глаза не утратили зоркости, а влажный нос чутко улавливал самый слабый ветерок, который в любой момент мог принести желанный запах добычи.

Но лес вокруг словно вымер. Снег лежал чистый, нетронутый. Днем он неприятно слепил белизной, сверкал под солнцем. И лишь с наступлением сумерек назойливый этот блеск пропадал, сменялся мягкой синевой. Сугробы темнели, и только на опушках да широких проталинах еще долго держалось розоватое свечение. Потом гасло и оно. И тогда на снежных гребнях вспыхивали голубоватые искорки от высыпавших на холодное небо далеких и трепетных звезд.

Правда, вчера, вскоре после захода солнца, Шурсямге удалось заметить белку, которая суетливо вертелась на самом краю отлогой ветки огромного, разлапистого дуба. Сперва Шурсямга замер на месте, напряженно втягивая ноздрями дразнящий запах и надеясь, что глупая белка, позабыв об осторожности, спустится на землю. Но, по всей вероятности, именно на этой ветке висели не опавшие осенью желуди, а кроме них, белку сейчас ничто на свете не интересовало. Тогда Шурсямга начал подкрадываться к дереву. Приблизившись на расстояние верного прыжка, он взметнулся высоко в воздух, шелкнул зубами. Дымчатый хвост пушистого зверька промелькнул перед самой его мордой. Проворная белка, роняя из-под острых коготков кусочки сорванной коры и цокая, стремглав взлетела вверх по стволу, скрылась в своем дупле.

Шурсямга еще немного покрутился под деревом, приминая снег и прислушиваясь к малейшему шороху, но белка окончательно затаилась. Больше тут делать было ему нечего. Он не спеша повернулся к ветру, опустил лобастую голову и затрусил прочь от дуба скользящей, размеренной рысью...

Шурсямга был сильным, крепко сбитым и выносливым волком, минувшей весной ему исполнилось три года. И все же, несмотря на

молодость, он успел испытать на своем веку такое, что выпадает далеко не каждому зверю.

Когда Шурсямге было чуть больше трех недель от роду, приехавшие из города охотники разыскали их логово. Отца и мать застрелили, что случилось с братьями и сестрами, он не знал, а его самого, несмышленного увальня, сунули в пропахший лошадиным потом мешок и привезли в деревню.

Там, в просторном дворе, у крыльца избы, в которой остановились городские охотники, волчонка вытряхнули на землю. Он упал, больно ушибся и не успел еще подняться на ноги, как откуда-то из сарая на него с грозным рычанием набросилась лохматая дворняга. Плохо пришлось бы, конечно, волчонку. Вполне возможно, что и рассказывать о нем дальше было бы уже нечего, если бы злющего пса не опередил оказавшийся рядом соседский мальчик.

– Не тронь его, Шарик!.. Пошел!.. – закричал мальчик, бесстрашно отпихнул собаку ногой, подхватил волчонка на руки и прижал к груди. – Ты чего, не видишь, что ли? Он же совсем маленький...

Толпившиеся во дворе деревенские мужики одобрительно заулыбались. Никто из охотников не решался отобрать дрожащего волчонка у мальчика.

– Ну, ладно. Тогда тащи его к себе домой, – сказал мальчику старший охотник. – Все ровно ему, видать, никакого житья не будет...

Более полугода прожил Шурсямга на подворье у мальчика, и это было счастливое время. Мальчик ухаживал за волчонком, кормил его из соски теплым молоком, а вечером укладывал в свою постель и накрывал одеялом.

Отца у мальчика не было. И, наверное, поэтому его мать прощала сыну всякие шалости. С утра и до ночи он играл в избе или на улице, и если лесному найденышу грозила беда, мальчик всегда спешил к нему на выручку. Женщина тоже привязалась к волчонку. Она нередко брала Шурсямгу к себе на колени, почесывала у него за ушами, гладила густую шерсть на спине. Тот покорно принимал ласку хозяйки. Ему даже нравились легкие эти поглаживания. Но разве могли они сравниться с грубоватыми прикосновениями тормошащих рук мальчика, которого волчонок любил больше всех?

К сожалению, эта ничем не омраченная и счастливая пора в жизни волчонка неожиданно кончилась. Незадолго перед тем как пойти в школу, хозяин его искупался в роке, простудился и тяжело заболел. Мальчика отвезли в больницу, но спасти его врачам не удалось ...

Так Шурсямга осиротел вторично.

И хотя сломленная горем женщина не прогнала волчонка из дому, а по-прежнему кормила его и ласкала, он сам начал сторониться хозяйки, часто забивался под крыльцо и дни напролет просиживал там, не вылезая. По ночам волчонок жалобно скулил, пробовал убежать со двора, тыкался в шершавые доски забора, но между ними не находилось ни одной щелки, в которую можно было бы протиснуться, ворота запирались на засов, а калитка всегда оказывалась плотно прикрытой.

Волчонку почему-то представлялось, что если он сумеет выбраться на улицу, то непременно встретит там мальчика, надо лишь как следует его поискать. Вырваться из тесного двора, найти своего пропавшего хозяина и защитника – вот на что были теперь направлены все усилия волчонка, к чему сводились все его помыслы.

И однажды ему повезло. Хозяйка ушла к соседям, позабыв притворить за собой калитку.

Путь на улицу был свободен. Не теряя ни минуты, волчонок выскользнул со двора и пустился на поиски своего исчезнувшего друга.

Однако, к немалому своему удивлению, на знакомой улице Шурсямга мальчика не встретил, хотя и не пропускал ни одного закоулка, заглядывал в каждую подворотню. Отовсюду его гнали то собаки, то люди. Незаметно для себя он отбежал далеко от своего дома и очутился на другом краю деревни.

Вот здесь-то волчонка и настигла целая свора разномастных деревенских шавок...

Конечно, Шурсямга и раньше примечал, что собаки терпеть его не могут. Стоило ему только появиться за воротами, как они поднимали неистовый лай, норовили наброситься на него всей кучей. Впрочем, до сих пор волчонку не доводилось сталкиваться с ними всерьез. Мальчик обязательно находился где-нибудь поблизости и всегда успевал вовремя отогнать собак.

Теперь же волчонок был в одиночестве. Он растерялся, присел на задние лапы посреди улицы, оскалив на всякий случай острые клыки. Собаки на миг остановились. Не зная, как лучше выпутаться из беды, Шурсямга воспользовался замешательством собак и отскочил к углу старого сарая. Это спасло волчонка, потому что позади него оказалась глухая бревенчатая стена.

В Шурсямге пока еще не пробудилось сознания жестокой борьбы не на жизнь, а на смерть. Волчонок просто старался отвязаться от докучливых псов, чтобы спокойно продолжить свои поиски. Но инстинкт подсказывал ему беречь горло, и он молча отбивался от разъяренных дворняг, вертелся у стены, подставлял собачьим зубам то грудь, то плечо, то покрытые густой шерстью бока. И все-таки, когда какая-то особенно настырная шавка остервенело вцепилась ему в лопату, он зарычал от боли, мгновенно полоснул собаку клыком и отпрыгнул в сторону. Из глубокой раны на шее зарвавшейся дворняги хлынула темная кровь. Собака пронзительно завизжала, покатила клубком, несколько раз дернулась и затихла. А остальные дворняжки, почуяв недоброе, трусливо кинулись врассыпную ...

Столь быстрая победа слегка озадачила волчонка. Шурсямга еще не сознавал, каким неотразимым оружием являются его клыки. Но тысячелетний опыт диких предков уже напоминал о себе, в нем проснулась жажда боя. Вместе с тем он смутно чувствовал, что свершившееся убийство способно навлечь на него гнев людей, а значит, и еще большие неприятности.

Но судьба, безусловно, хранила волчонка. На его счастье, в ближайших дворах не держали охотничьих собак-волкодавов, которым не составило бы никакого труда справиться с перепуганным Шурсямгой. Он не стал ожидать,

пока на шум сбегутся собаки со всей деревни, а бросился вдоль улицы, выскочил на другую, юркнул в чьи-то незапертые ворота... Тут, правда, волчонок чуть было не нарвался на свирепого матерого гончака, однако тот сидел на привязи и догнать Шурсямгу не смог.

Не меньше десятка собак несло за ним по деревне. К ним присоединялись все новые псы, отрезая спасительную дорогу к дому.

И тогда искусанный и взъерошенный волчонок, собрав остатки сил, повернул прочь от деревни, к синему невидному угрюмому лесу...

На первых порах Шурсямга не решался углубляться в его неприветливую и таинственную глушь, а бродил по светлым опушкам, словно рассчитывая когда-нибудь покинуть их, возвратиться в деревню, к людям, и разыскать затерявшегося меж ними заботливого своего хозяина. Однако деревня неизменно встречала волчонка залившимся лаем собак, которых он теперь боялся. И Шурсямга, послушав злобные их голоса, опять устремлялся в лес.

У него не оставалось иного выбора. И поэтому с каждым днем волчонок забирался все дальше и дальше в непролазные дебри, которые были ему покуда чужды, хотя – как он убеждался уже не раз – гостеприимно укрывали его от злых собак и позволяли худо-бедно кормиться ...

Впрочем, он подступил к этой незримой грани вплотную уже спустя несколько дней после того, как, спасаясь от несущейся за ним по пятам собачьей своры, был вынужден повернуть от людского жилья к лесу.

За деревней, на берегу широкого пруда, стояли длинные постройки птицефермы. Волчонок постоянно наведывался к ней, потому что неподалеку отсюда, в кустах, ему однажды удалось найти пару утиных яиц и черствую корку хлеба. Скучная эта пища лишь раздражила в нем голод. Шурсямге нужно было мясо. А по берегам пруда и вокруг фермы вперевалку ходили ленивые утки. Но волчонок вовсе не подозревал, что они-то и есть мясо.

Как обычно, под вечер, Шурсямга сидел за кустами, когда отбившаяся от стаи утка спокойно прошествовала в каких-то двух шагах от него. Волчонок одолело любопытство, и он покинул укрытие. Утка со страху ткнулась клювом в землю, а потом со всех ног кинулась наутек, запылающе крикая и хлопая крыльями.

При виде удирающей птицы в Шурсямге возник азарт погони. Сам еще толком не сознавая, зачем он это делает, волчонок догнал утку, прижал ее лапой и схватил за горло. Теплая кровь оказалась вкусной. И тогда, захлебываясь ею, Шурсямга принялся терзать зубами живую плоть, дробя кости и торопливо глотая их вместе с перьями...

Так он понял, что тот, кто убегает от него, просто-напросто добыча, мясо. Шурсямга очень скоро научился выслеживать всякую мелкую живность, бесшумно подкрадываться к ней и в стремительном броске убивать добычу.

И все-таки для того чтобы полностью превратиться в зверя, волчонку было необходимо разорвать последнюю, тоненькую нить, что еще связывала

его с тем ласковым и приветливым миром человека, который он познал под неустанной опекой мальчика в деревне.

Перед глазами волчонка изредка брезжили слабые картины беззаботной жизни в избе; он не забыл о веселых играх со своим маленьким другом, а порою даже как бы ощущал на своей спине нежное прикосновение ласковой женской руки. Все эти неясные воспоминания порождали в нем щемящую тоску. Она не давала ему покоя, заставляла без усталости петлять по опушкам, вновь и вновь приюхиваться к доносящемуся издали горьковатому запаху дыма и человеческого жилья. Но в какой стороне находилась приютившая когда-то волчонка деревня, он уже не помнил.

Шурсямгу непреодолимо тянуло к людям. Ему казалось, что все они точно такие же щедрые и заботливые, какими были его прежние хозяева. Он непреклонно верил в людскую доброту вплоть до того часа, когда представился на собственной шкуре убедиться в обратном.

Произошло это с ним на втором году жизни, погожим летним днем, когда рано проснувшийся волчонок вышел на охоту и, томимый голодом и непроходящей тоской, не спеша трусил краем леса, вдоль просторной поляны, отгороженной от него густыми зарослями малинника. Ветерок неожиданно переменился, и в ноздри волчонку ударил совсем близкий запах людей, который не вызывал в нем особого беспокойства. Припав к земле, Шурсямга осторожно прополз через колючий малинник и выглянул из-за высокой травы.

Посреди поляны расположились на отдых косари. Поодаль от них паслась стреноженная лошадь. Люди обедали, и у волчонка вдруг затеплилась надежда, что они сейчас приветят его и накормят. Больше уже не таясь, Шурсямга поднялся во весь свой рост и вышел на поляну.

Сначала его заметила лошадь. Она тревожно всхрапнула и, нелепо вздергивая привязанной за повод к ноге головой, запрыгала по скошенной траве. Волчонок принял ее неуклюжие прыжки за приглашение к игре. Он дружелюбно оскалится, приподнял уши и двинулся к лошади, которая с пронзительным ржанием отпрянула к людям. А людей волчонок не опасался. Ведь до сих пор самыми яркими своими врагами он считал лишь собак. Но здесь их и в помине-то не было...

Однако люди тоже внезапно вскочили, громко крича и размахивая руками. Столь необычное поведение людей остановило волчонка. Он обескураженно опустил задние лапы. На его морде и во всем облике отражалось только крайнее недоумение. Если бы косарям были известны волчьи повадки, люди без труда догадались бы, что странный этот зверь не причинит им вреда, а как бы хочет сказать: «Да что же это с вами, люди добрые?.. Я не трону вашу лошадь... Зачем она мне?.. Я пришел к вам за помощью... С миром... А вы?..»

Но перепуганные не на шутку косари отнюдь не собирались вникать в тонкости неведомых им волчьих повадок. Они просто видели, что едва ли не чудом возникший на поляне и бесстрашно восседающий неподалеку волк – извечный враг человека, губитель скота, свирепый хищник...

У страха глаза велики: люди даже не удосужились как следует разглядеть этого неукротимого убийцу. Иначе бы они, конечно, поняли, что перед ними не кровожадный матерый волчище, а всего лишь худой, измученный голодом волчонок. Люди ждали нападения хищника и суетливо готовились отразить смертельный волчий прыжок – кто граблями, кто косой, а кто вилами...

Наконец один из косарей не выдержал, изловчился и метко швырнул в волчонка тяжелой суковатой палкой. Тот не успел увернуться, и палка, угодив ему прямо в лоб, глубоко рассекла кожу острым сучком. Резкая боль ослепила на миг Шурсямгу. Волчонок высоко подпрыгнул, юлой завертелся на месте, а затем, не разбирая пути, бросился под покров спасительной чащи...

Так, походя, люди оборвали ту последнюю связывающую нить, которая еще тянулась от них к волчонку. Шурсямга постиг, что люди способны относиться к нему ничуть не лучше ненавистных собак. Незаслуженно испытанная волчонком боль начисто стерла в его памяти слабые отблески человеческого участия и доброты. Доверие к людям сменилось страхом перед ними. А страх, как известно, влечет за собой ненависть, которая лежит в основе любой вражды.

Теперь Шурсямга чувствовал только ненависть и страх ко всему сущему, что таило в себе запах человека. Да и люди в свою очередь тоже боялись и ненавидели его.

Некогда ручной, несмышленный волчонок окончательно переступил ту невидимую грань, что покуда еще отделяла его от осмотрительного и хитрого дикого зверя.

Он стал волком.

До самого рассвета голодный Шурсямга продолжал рыскать по заснеженным зарослям, лесным полянам, оврагам и опушкам. Правда, днем он прикорнул под свисающими корнями вывороченной ветром старой ели, но спал недолго – голод вновь погнал его на поиски добычи.

Вообще-то волки выносливы и неприхотливы. Без еды они могут протянуть больше десяти дней. Однако и самому выносливому из них после такой голодовки приходится туго. В такое время волки становятся опасными даже для своих ослабевших сородичей.

Но, по всей вероятности, в здешних местах не было других волков, кроме самого Шурсямги.

Рана на лбу у него давным-давно зажила, хотя на ее месте осталось заметное светлое пятнышко. Именно поэтому выдавшие его изредка жители окрестных деревень дали трехлетнему волку подходящую кличку – Шурсямга, что по-чувашски значит: с белым пятном на лбу...

Шурсямга решил еще раз самым тщательным образом обследовать свои охотничьи угодья. А вдруг, на его счастье, все-таки попадется какой-нибудь приبلудившийся зайчишка?

Небо между тем заволкло тяжелыми низкими тучами. Они неспешно проплывали над оголенными верхушками деревьев, и поэтому казалось, что

замерший в дреме, безжизненный лес еще больше потемнел, насупился и притаился. Над головой Шурсямги топорщились сизоватые ветви облетевших осин; с плакучих берез струились к сугробам тонкие невесомые пряди; и лишь на разлапистых сучьях кряжистых дубов держались кое-где пышные снеговые папахи. А впереди расстилалась пушистая равнина, посреди которой там и сям белыми ягнятами застыли причудливо запорошенные снегом пеньки.

Волк выбрался на опушку, остановился, принохиваясь к повлажневшему воздуху и вглядываясь в чернеющие кроны елей и сосен, что мохнатыми великанами вздымались поодаль от сквозных белоствольных берез и зеленоватых осин. Нет, по глухим соснякам да ельникам нынче и вовсе лучше не ходить. Снега под ними почти нет, темнеет голая земля, усыпанная рыжими хвоинками, а зайцы давно в белые шубки оделись. Теперь они прячутся в мелколесье, лежат под заснеженными кустами да кочками.

Шурсямга внимательно оглядывал свои владения, чутко прислушивался, стараясь уловить хоть какое-нибудь движение, не пропустить ни малейшего шороха. Но тихо было в лесу, будто он и впрямь вымер – ни звука, ни ветерка. Так, чего доброго, покажется, что лишь один ты живой во всем лесу остался. Волк поступил к поваленному стволу, поднял заднюю ногу и на всякий случай оставил свою отметину. Мало ли кто еще сюда забредет – пускай знает, что в этом лесу уже есть хозяин.

Пока, однако, на затвердевшем насте не видно чужих следов и подозрительных запахов вроде не чувствуется. Только его собственные пробежки от одного куста к другому ведут. А след у Шурсямги приметный. Было с ним когда-то: попал он по глупости правой передней лапой в лисий капкан. Ногу-то, конечно, выдернул, но с той поры на ней когти подстрижены, и от этого вмятина на снегу получается вроде бы чуточку круглее и поменьше, чем от остальных лап. Шурсямге, впрочем, нисколько это не мешает – в беге он стремителен и неутомим...

Легкое дуновение коснулось волка. Он почувствовал запах белки. Ну, так оно и есть! Ведь это же та шустрая тварь, которая поселилась в дупле старого дуба. Может, сегодня она спустится на землю и ее удастся поймать? Не останавливаясь, Шурсямга повернулся и осторожно затрусил по своему старому следу.

Но под деревом белки не оказалось. Не видать ее было и наверху. Волк медленно отступил от дуба, принохался – и какое-то смутное беспокойство внезапно зародилось в его сердце. Вокруг как будто бы ничего не изменилось, почти не предвещало беды: по-прежнему недвижим воздух, молчалив лес. Но волк уж твердо знал, что где-то рядом таится смерть и грозить этой смертью Шурсямге может только человек. Весь его трехлетний жизненный опыт подсказывал волку, что медлить дальше нельзя – надо бежать без оглядки, спасаться...

Подобно молнии, метнулся Шурсямга за толстый ствол корявой сосны. И в ту же секунду прогремел выстрел. Картечь шваркнула по древесной коре;

левое ухо волка обожгло острой болью; однако он уже перемахнул через неглубокий овраг и, пластаясь в беге, летел сквозь лесные дебри, как выпущенная из лука стрела. Второй выстрел запоздало прозвучал далеко позади...

## II

От досады Валяхха едва не хватил прикладом ружья о комель разлапистой ели, под которой весь день он караулил этого проклятого волка.

И надобно же такому случиться! Он, Валяхха, знаменитый на всю округу охотник, не попал в стоявшего волка... Стыдно!.. Расскажи об этом кому-нибудь – никто не поверит! Ведь зверина-то чуть ли не в десяти метрах был... А он поторопился и промазал, как самый последний сопливый мальчишка!..

– Черт бы его побрал, этот палец! – чтобы хоть на чем-нибудь сорвать свою злость, выругался Валяхха, засовывая слегка онемевшую на холоде руку за пазуху. – Всегда он мерзнет не вовремя ... Да еще в такую погоду!..

На охоту Валяхха отправился ранним утром. К обеду он пообещал жене добыть зайца и часа два бродил на своих широких лыжах в кустарнике, поблизости от оврага Тет, разыскивая заячьи следы. Но, как на грех, ни одного свежего следа ему на глаза не попало. А потому, добравшись до березового колка, который местные охотники называли Сархуран – Красные Березы – так как кора на здешних деревьях была не белой, а желтоватой, Валяхха повернул в лес. Быть может, там ему в конце-то концов повезет?..

Невдалеке от опушки Валяхха сразу же наткнулся на отпечатки крупных волчьих лап. «Да-а, необычный все-таки след у этого волка, – подумал Валяхха, разглядывая четкие лунки в снегу. – Когтей у серого на правой передней лапе нету, что ли? Или пальцы малость покорооче, чем на остальных?.. Уж не подранок ли какой-нибудь, а?..»

Для такого заядлого и опытного охотника, каким был Валяхха, любой след в лесу – будто новая строчка в знакомой книге. Чтобы прочесть ее и понять, много усилий ему тратить не надо. Следы были относительно свежими – волк шастал по опушке самое позднее позавчера вечером. И было не похоже, что он ранен. Шаг у кажамана\* ровный, прогонистый. Нет, раненый зверь ходит иначе. Просто лапа у него, очевидно, такая. Интересно, куда он направился?

Волчьи петли привели охотника к старому дубу. Ага, вот здесь волк подпрыгнул, потом топтался под деревом. Значит, сильно проголодался бирючина, если позарился на белку, которая на ветке сидела.

Валяхха отыскал взглядом беличье дупло. Да и сама хозяйка выглянула, но, заметив охотника, тут же скрылась. Затем опять высунула любопытную мордочку.

Валяхха машинально вскинул ружье, однако не выстрелил.



– Ну тебя к черту! Коль уж волку не досталась, то живи себе на здоровье, – пробормотал он. – На тебя порох тратить – волка испугаешь. А вот его хорошо было бы взять...

Валяхха отошел в сторонку, перезарядил ружье картечью и спрятался под ветвями раскидистой ели. Ему было известно, что голодный волк не однажды еще наведается туда, где повстречал да упустил добычу. Снова силы попробует. А не удастся живность поймать – то хоть душеньку свою волчью потешит. Явится он и сегодня, никуда не денется. Брюхо-то небось свое ненасытное так и не набил. Да-а, брат ты мой, зимний лес – это тебе не районная столовая, чтобы под каждым кустиком, как на тарелочке, был обед припасен...

И, рассудив подобным образом, Валяхха принялся терпеливо ждать волка.

Чуть ли не до самой темени пришлось таиться охотнику в засаде. Не один раз проклинал он мысленно на чем свет стоит и волка, и себя – особенно за то, что не захватил из дома меховые рукавицы.

Сначала, на ходу, вроде бы и не чувствовалось никакого холода – морозец-то пустяковый. К тому же Валяхха вовсе не собирался день-деньской торчать, согнувшись, под елью. Думал в два счета обернуться... Теперь же продрог он, конечно, основательно. Да это бы еще полбеды. Вся беда была в том, что указательный палец у него на правой руке, – тот самый, который он в детстве серпом порезал, – не хотел сгибаться, напрочь закаменел. А пошевелиться, подуть на него, растереть, за пазуху сунуть – нельзя. Волк – зверина чуткая, осторожная, хитрая... Да ведь и его, Валяхху, тоже на мякине не проведешь. Он волчьих повадки все насквозь изучил.

Однако Валяхху, пожалуй, подвело именно то, что слишком уж он положился на свое хорошее знание волчьих повадок.

Охотник примостился в засаде так, чтобы еле ощутимый ветерок тянул от дуба к нему, уверенный, что волк прямо против ветра пойдет. А серый хозяин леса под углом к ветру, едва ли не со спины охотника зашел, и потому Валяхха не сразу его увидел.

Когда же разглядел толком и по белому пятнышку на лбу узнал Шурсямгу, о котором вдоволь наслышался от людей, хотя самому встречаться с ним не довелось, – драгоценные секунды были потеряны. Но главное – чертов этот палец обманул Валяхху: как будто бы и нажал на спуск, а выстрела нет... Если бы не закоченел он, как ледышка, ни за что не удрать бы Шурсямге от картечи. Об этом и говорить даже нечего.

Сетуя на не ко времени замерзший палец, охотник двинулся по свежему следу. Уже пройдя несколько шагов, Валяхха обнаружил красные точки на взрыхленном белом снегу. Значит, он все-таки зацепил этого проклятого Шурсямгу! Но мощные прыжки волка не становились короче, а красные точки вдоль следа – обильнее. За оврагом следы совсем пропали. Видимо, царапнуло слегка. Рана оказалась неглубокой и перестала кровоточить.

Валяхха понял, что преследовать волка бесполезно, и, несолено хлебавши, направился в деревню...

### III

Перемахнув через Маншур – Большие болота, – Шурсямга миновал ольховые заросли и устремился в долину реки Хырла. Он бежал не останавливаясь, не ощущая ни голода, ни боли. Все в нем напряглось и сосредоточилось лишь на том, чтобы как можно быстрее уйти подальше от ненавистного человека и от его страшной железной палки, которая исторгает огонь.

Вскоре повалил густой снег, и это обрадовало волка. Он уже имел возможность убедиться в том, что падающие с неба пушистые хлопья надежно прикрывают его следы. Ну а если позади не остается следов, то ни человеку, ни собакам Шурсямгу вовек не найти. Однако на всякий случай он пробежал еще немного берегом реки, поплутал осиновым чернолесьем и лишь после этого разгреб лапами снег и облегченно улегся в ямке под можжевельным кустом, чтобы как следует перевести дух.

Все гуще и гуще сыпавшие хлопья спустя несколько минут укрыли Шурсямгу словно пуховым одеялом. Сейчас и подавно никто не угадал бы под снежным бугорком волка, даже если бы прошел совсем рядом.

Шурсямга постепенно успокоился. Он вспомнил об оглушающем грохоте выстрела и тотчас же ожегшей кончик уха боли, помотал головой, но ухо только чуть-чуть саднило: терпеть можно. И тут же на волка опять обрушился мучительный голод. Справиться с ним оказалось гораздо труднее, но Шурсямга не покинул лежки до позднего вечера. Еще не притупившийся в нем страх перед человеком и его железной палкой, несущей смерть, как будто бы подавлял чувство голода и удерживал волка на месте ...

Но когда угасли короткие зимние сумерки и плотный ночной мрак вроде бы прижал темные снеговые тучи к самой земле, окутал ими молчаливый лес, застывшую подо льдом реку, дальние увалы, за которыми на открытом плоском пяточке были кучно поставлены крытые замшелым тесом, иссеченные непогодью приземистые избы лесной деревушки Сугут, – Шурсямга поднялся со своей лежки.

Волк бесшумно встряхнулся, глубоко втянул в себя чуткими ноздрями похолодавший воздух, поводя из стороны в сторону заиндевший мордой, словно бы решая, куда ему теперь лучше податься, и неспешно затрусил по направлению к деревне. Он утратил веру в неизменную щедрость лесных чащоб и надеялся разыскать хоть что-нибудь съестное вблизи человеческого жилья.

Возможная встреча с собаками и людьми, конечно, пугала Шурсямгу. Собаки всегда норовили его загрызть. А люди коварно метали в него гремучие молнии, могли снова причинить боль. Но волк смутно сознавал, что в это глухое, бескормное время года верная добыча может находиться лишь там, где обитает человек.

Шурсямга сменил неспешную трусцу на размашистую рысь и, нигде больше не задерживаясь, призрачной тенью заскользил между задумчиво притихшими елями. Только неподалеку от деревенской околицы он умерил бег, а затем и вовсе остановился.

Ночная темень и все еще густо падающий снег придавали смелости голодному волку. Однако сейчас он не торопился – смотрел, принимался, слушал...

Белые хлопья оседали на его широкой спине, на короткой шее; будто нахлобученной шапкой прикрыли голову. Но Шурсямга не встряхивался, стоял не шевелясь. И вскоре он уже напоминал припорошенную снегом корягу.

Волк полностью слился с окружающим недвижимым миром, с породившей его грозной, прекрасной и мудрой природой, неотъемлемой частью которой он был.

Кое-где по деревне в окошках изб теплились красноватые огоньки. И Шурсямга понимал, что их зажгли люди. А волк опасался тревожить людей, которые могли в любой миг выскочить из душных своих жилищ, поднять шум, стрельбу. Поэтому он пристально вглядывался в избы, словно бы отыскивая среди них такую, в окнах которой не было бы мерцающего света.

Внезапно Шурсямга насторожил уши, шевельнул головой и, стряхивая с себя пушистые комья, крадущимся шагом двинулся к затененной ветвями плакучей березы одинокой избе, что вроде бы слегка оторвалась от других построек и подступила ближе к лесу.

Собачий лай заставил волка вздрогнуть от неожиданности и замереть на месте. Голос у собаки пронзительный, тоненький, злобный. Сама она, должно быть, не велика, а лает смело. «Эй, люди! Вставайте скорей! Волк пришел! Гоните его, разбойника! Бейте!» – по-своему выкрикивает, наверное. Даже хрипит от усердия.

Шурсямга прислушался – не заскрипят ли двери, не затопают ли по крылечным ступенькам бегущие на собачий призыв сонные люди с ружьями и всяким дубьем. Но нет, двери не скрипят, люди не топают – тихо вокруг. Лишь собачонка во дворе, укрывшись за высоким забором, заливается от натуги, лает по-прежнему.

И тогда у волка возникла мысль, что старательная эта дворняжка тоже ведь какая ни есть, а добыча. Он подобрался к забору, сунул морду в щель между досками. Но дыра была слишком узка, чтобы сквозь нее проникнуть за ограду. Шурсямга заметался, ища подходящую лазейку. А дворняжка вдруг умолкла, притаилась – сообразила, наверное, что и сама рискует попасть к нему на зуб.

За углом забора намело плотный покатый сугроб. Волк одним прыжком взлетел на его вершину и, не медля, решительно перемахнул во двор. Собачонка черным клубочком покатила под крыльцо. Шурсямга бросился за ней, но схватить не успел. Вгорячах он протиснулся вслед за дворняжкой под прохудившийся дощатый настил. Однако собачонка юркнула еще в какую-то дыру и забила глубже, под самые сени.

Протиснуться туда даже отощавшему волку – и думать было нечего. Да к тому же из-под сеней чересчур уж сильно пахло человеком.

Пятясь и обдирая ключья шерсти с боков, Шурсямга кое-как выбрался наружу и обежал двор. Сзади к избе примыкал невзрачный сарайчик, откуда доносился запах овец. Волк осторожно приблизился к сарайчику. А овцы, почуяв его, мелко топоча копытцами, шарахнулись в дальний конец сарая и сгрудились там дрожащей кучей.

Мясо... Живое, теплое мясо... Шерсть на загривке волка вздыбилась. Неслышно ступая напружиненными лапами, он начал красться вдоль бревенчатой стены, пока не заметил низенькую дверь. Вовсе не рассчитывая на то, что она может открыться. Шурсямга припал на брюхо, ткнулся носом в обломанную над порошком доску – и тут волку наконец-то посчастливилось. Дверь легко отворилась. Возможно, хозяева позабыли ее запереть, или же разболталась щеколда... Хотя не все ли равно было голодному волку, почему он попал в овчарню?

Ошалев от страха, овцы сорвались с места и ринулись в дверь, прямо на волка, Шурсямга прыгнул вперед и схватил одну из них за горло. Он едва не обезумел от вкуса хлынувшей ему в пасть горячей крови и, не помышляя больше ни о чем, свалил овцу на пол. Давясь кровью и раздирая мясо клыками, волк принялся пожирать еще трепещущую добычу, ощущая, как по всему телу его разливается приятное тепло.

Но в это время скрипнули половицы в сенях, и на крыльцо вышла женщина.

– Камбур! Камбур! – тревожно позвала она собаку. – Куда же ты запропастилась? Почему овцы во дворе?..

Бормоча что-то вполголоса и вглядываясь в темноту, женщина ступила к краю крыльца. Услышав шаги хозяйки, из-под сеней выскочила собачонка и опять залилась злобным лаем. Овцы всей кучей бросились к избе, тесня и отталкивая друг дружку, полезли на крыльцо, под защиту человека.

– Господи! Да неужто волк в сарай забрался? – испуганно воскликнула женщина.

И словно бы в ответ на ее слова через двор промелькнула какая-то черная тень, метнулась к забору и мгновенно исчезла.

– Волк! – в ужасе закричала женщина. – Волк!.. Помогите!..

Она кинулась обратно в избу, торопливо захлопнула за собой дверь и задвинула засов.

Крик женщины взбудоражил всех деревенских собак. Они истошно залаяли, завыли. В соседних дворах послышались хлопки дверей, людские голоса. И тогда, преодолевая свой страх, женщина отодвинула дверной засов и с опаской выглянула из сеней. Но кроме овец, что по-прежнему в испуге жались на крыльце, да бестолково мечущейся у ограды собачонки, на подворье давно уже никого не было.

Шурсямга и сам не знал, откуда взялись у него силы, чтобы с овечьей тушей на спине перескочить забор. Ухватив добычу за горло и перекинув ее на загривок, он без передышки бежал до знакомого леса. И лишь здесь, в своих владениях, где волк чувствовал себя полновластным хозяином, он разыскал неглубокую ложбинку, поросшую по склонам редким невысоким ельником, устало сбросил свою ношу на снег и жадно кинулся на зарезанную овцу, отгрызая кусок за куском и поспешно обглаживая кости.

Сперва туша овцы показалась Шурсямге очень маленькой – для того чтобы утолить терзавший его многодневный голод.

Поэтому он глотал дымящееся на холоде мясо, почти не разжевывая. Но затем стал есть медленнее, выбирая самые лакомые куски. Насытившись, он затуманенными глазами огляделся вокруг, равнодушно посмотрел на не дочиста обглоданные кости и улегся на снег рядом с остатком добычи...

Между тем подул студеный северный ветер. Снегопад прекратился, и небо начало проясняться. Кое-где над лесом в просветах между тучами уже появились высокие звезды, которые блистали в темноте сухим морозным накалом. Но усилившаяся стужа не беспокоила отяжелевшего от обильной еды Шурсямгу. Сон постепенно сморил его. Волк повернулся к ветру, положил на вытянутые лапы лобастую голову и закрыл глаза.

Однако отдыхал он недолго. Внезапно ветер принес Шурсямге тревожный запах, который заставил его немедленно вскочить на ноги и ошетинить шерсть на загривке. Это был ни разу не встречавшийся до сих пор Шурсямге в здешних краях запах чужака, другого волка, что посмел не только вторгнуться в занятые им угодья, но и приближался теперь к его добыче.

Шурсямга глухо зарычал: глаза его вспыхнули неукротимой злобой. Он не был расположен уступать без драки свой лес даже целой стае волков, а недавно перенесенный голод не вызывал у Шурсямги никакого желания делиться добытым мясом с кем бы то ни было. Шурсямга приготовился дать отпор любым посягательствам на его неотъемлемое право оставаться единственным и безраздельным владельцем окружающих чащоб.

Пришелец бежал легкой трусцой по противоположному склону ложбины, с подветренной стороны, и потому, наверное, не сразу заметил подготовившегося к неизбежной схватке Шурсямгу. Впрочем, воинственный вид хозяина зарезанной овцы как будто бы не особенно обескуражил чужака. Более того, по мнению Шурсямги, тот повел себя странно. Не выказывая ни малейшего стремления помериться силами в честном бою, чужак прилег на живот и, заискивающе поскуливая, медленно пополз по склону ложбины, оставляя за собой широкую полосу примятого снега.

Пока он был далеко, Шурсямга недоверчиво наблюдал за его маневрами. Но когда пришелец оказался на расстоянии одного прыжка, злобный пыл в глазах Шурсямги неожиданно угас, вздыбившаяся на загривке шерсть опустилась, а сам он растерянно затоптался на месте.

Чужак моментально уловил перемену в настроении обладателя остатков овечьей туши. Приблизившись к Шурсямге почти вплотную, он

покорно замер на снегу, как бы подставляя ему для укуса незащищенную шею, а затем по-щенячьи опрокинулся на спину.

Шурсямга неуверенно шагнул вперед, обнюхал пришельца от головы до хвоста и лишь после этого ткнул его мордой в живот, словно приглашая подняться. Тот с готовностью подхватился на ноги и положил свою голову на плечо Шурсямги. В таком положении оба волка простояли несколько долгих минут...

Шурсямга чувствовал, что сам он не прочь бы постоять так и подольше. Но пришелец, который то и дело бросал жадные взгляды на соблазнительную грудку свежего мяса и костей, облизнулся, убрал свою голову с плеча Шурсямги и направился напрямик к его добыче. И все же прежде чем наброситься на еду, он еще раз оглянулся, вроде бы намереваясь лишний раз убедиться в том, что Шурсямга не собирается на него нападать. Однако в смягчившихся глазах Шурсямги уже не осталось и следов от полыхавших в них только что непримиримости и злобы. Сейчас он без всякого сожаления смотрел на то, как голодный пришелец торопливо управляется с его добычей.

В столь резком изменении поведения Шурсямги, в несвойственном его угрюмой волчьей натуре дружелюбии и гостеприимстве не было ничего необычного, если учесть, что этим пришельцем оказалась молодая волчица. Ведь Шурсямга тоже был молод, силен, и ему уже порядком опостылело одиночество...

В отличие от Шурсямги, пришедшая волчица никогда не жила у людей, а поэтому, разумеется, у нее не было никакого имени. Но мы все же, для удобства дальнейшего повествования, назовем ее Сарккой.

Покончив с остатками овцы, тщательно обглодав и высосав каждую косточку, Саркка вернулась к Шурсямге, благодарно прикоснулась носом к его шее и разлеглась перед ним на снегу. Волк с надеждой взглянул на гостью. Он понимал, что, несмотря на обильное угощение, у него нет никаких прав на нее. Волчица может сейчас встать и спокойно уйти на все четыре стороны. Удерживать ее силой он не посмеет. Любая волчица свободна в своем выборе – таков непреложный закон, царящий среди зверей.

Но Шурсямге не терпелось поскорее выяснить отношения, хотя как это сделать, он покуда не знал. И снова на помощь ему пришел безошибочный инстинкт, унаследованный от предков.

Волк обнюхал лежащую перед ним на снегу Саркку и отбежал в сторону. Волчица недовольно заворчала. Она догадалась, что Шурсямга зовет ее следовать за собой. Но уходить из этой уютной, защищенной от ветра ложбины, сразу же после сытной еды Саркке было лень. Шурсямга выжидательно смотрел на волчицу, и ему показалось, что она как бы укоряет его: «Ну чего тебе не лежится на месте? Зачем тебе понадобилось уводить меня отсюда? И куда?..» Шурсямге стоило больших усилий не уступить ее укоряющему взгляду. Но ему гораздо важнее было узнать точно: отвергает она его или нет. Он поборол свою слабость, отбежал еще на несколько шагов и опять оглянулся. Однако теперь в глазах Шурсямги отражалось уже не

только ожидание, но и мольба: «Я поделился с тобой добычей, и ты, конечно, можешь остаться здесь, если захочешь... Но неужели ты не пойдешь за мной? Разве я тебе совсем не нравлюсь?..»

Вполне возможно, что не просто лень удерживала волчицу на месте – Саркка ждала именно этого взгляда, потому что она без малейшего промедления поднялась и побежала след в след за Шурсямгой, который проявил себя настоящим рыцарем и честно заслужил ее благосклонность.

А Шурсямга летел вперед, как на крыльях, больше уже не оглядываясь на Саркку. Он прекрасно понимал, что отныне их следы не разойдутся до окончания дней.

## V

Охотник Валяхха проснулся от громкого женского голоса, что назойливо звучал за дверью.

– И не говори ты мне, милая! Не волк это вовсе, а оборотень! Дверь в сарае разломал, самую жирную овечку зарезал. А собака-то – ни гугу!.. Схоронилась под сенями и молчит, проклятущая! – жаловалась соседка Валяххиной жене. – Неужто бы на волка она не залаяла?.

Валяхха встал с постели, оделся и вышел из горницы к женщинам.

– Что тут у вас за шум? Это у тебя, что ли, волк овцу утащил? – спросил он соседку, вспомнив о волке, которого караулил в лесу.

– У меня, Валяхха, у меня!.. Да уж я и сама не знаю, волк это был или не волк, – затараторила соседка, принимаясь рассказывать все сначала и поправляя сбившийся на плечи теплый платок. – Погналась я за ним, – чуть приврала она, – да разве его догонишь? Шастанул он с овцой моей на спине через забор... Ростом-то волчище огромный, с вашу телку будет...

– Постой-ка, а ты его хоть в глаза-то видела? – засомневался охотник.

– Ты чего это, Валяхха! Вот как тебя сейчас вижу! Хотела у него овечку отнять, но не успела. Да что там ваша телка! Он с корову ростом, не меньше!.. Вот те крест, Валяхха! Не приведи господи его увидеть, – соседка боязливо перекрестилась. – Оборотень это лесной, а не волк! Помяни мои слова, Валяхха!..

Ну что ж, пойдём и мы тогда поглядим, – предложил соседке Валяхха. – Может, хоть следы какие-нибудь от этого оборотня остались.

– Пойдем, конечно, пойдём! – обрадовалась соседка. – Ты хороший охотник. Выследишь его да и застрелишь! Не то ведь он повадится ко мне и всех овечек моих перережет.

В сенях Валяхха снял с гвоздя керосиновый фонарь, зажег его и направился к соседнему подворью.

Все реже и реже падавшие снежинки еще не скрыли крупных отпечатков волчьих лап, что были отчетливо заметны снаружи у забора и во дворе, там, где их не затоптали напуганные овцы. Валяхха быстро разобрался во всем, что здесь произошло. Он объяснил соседке, как волк спрыгнул с сугроба во двор, как пытался изловить собачонку...

– Погоди-ка, погоди... Да тут и в самом деле чего-то не того... – Охотник прикинулся удивленным и перестал изучать волчьи следы. – Так ты говоришь, что гналась за этим волком, а?

– Ну, как же, Валяхха! Гналась я за ним, конечно, гналась. По всему двору, считай, бегала, – не отступила от своего простодушная соседка. – Чуть было за хвост его не поймала, оборотня.

– Так... Ну, коль волк этот оборотень, то, выходит, что и ты у нас не лыком шита. По воздуху летать умеешь, – без улыбки заключил охотник. – Сама посмотри, следов-то твоих нигде нет. Разве только вон те, что к калитке ведут.

Уличенная во лжи соседка смущенно потупилась, потом растерянно огляделась вокруг и, заметив виновато жмущуюся к ногам собачонку, со злостью отпихнула ее:

– Пошла вон, проклятухая! Из-за тебя все мои беды!..

Валяхха, правда, сделал вид, что не, заметил смущения соседки.

– Так вот, волка этого я знаю. Видишь, след от правой передней лапы у него покруглее, чем от остальных, – сказал охотник. – Никакой это не оборотень. И ты о нем небось слыхала. Это Шурсямга. Давеча стрелял я по нему в лесу... Жаль, промахнулся.

– И-и-и, Валяхха! Уж если ты в него не попал, то никому он не дастся. Хотя, может быть ты не в волка метил, а в его тень? – с ехидством удивилась соседка.

– Когда метят в тень, то зверя не ранят, – веско сказал охотник. – А вот язык у тебя, соседка, что помело. Чем зря болтать, сарай бы лучше запирали. Тогда и овец своих сохранишь.

– Дак заперта была дверь-то, заперта!

– Ладно. Где у тебя топор? Пошли проверим...

Валяхха приколотил расхлябанную щеколду, сменил обломанную снизу доску на двери соседкиного сарая и лишь после этого вернулся в избу досыпать. Утром он встал пораньше, позавтракал, зарядил ружье картечью и отправился на охоту.

– Сегодня я тебе волчью шкуру принесу, – на прощанье посулил жене Валяхха.

Однако и на этот раз не было удачи охотнику. Едва он вышел за околицу, как под ногами заструилась поземка, опять повалил снег, а затем поднялась настоящая метель. В такую погоду ни о какой охоте даже речи быть не могло.

– Черти его берегут, что ли, этого Шурсямгу? – с досадой пробормотал Валяхха, невольно припоминая слова соседки. – В такую метель не то что волка, своей избы не найдешь. – Он постоял немного, глянул по сторонам, всмотрелся в мутное небо и решил поворачивать обратно. – Да, не на один день, видать, завьюжило... Но держись, Шурсямга! После метели я тебя обязательно разыщу...

Снегопад прекратился только на третьи сутки. И Валяхха, который все эти дни томился от нетерпения, стал основательно снаряжаться на охоту.



За воротами его встретила девушка-почтальонка. Улыбаясь во весь рот, она вручила Валяххе написанную от руки чернилами телеграмму. Оказалось, что покуда он думал о зарезанной соседкиной овце, прикидывал, как половчее выследить волка, у сына Валяххи, который жил в городе, прибавилось семейство.

Молодые приглашали дедушку с бабушкой в гости.

– Собирайся, бабка! Едем! – закричал с порога счастливый Валяхха, вваливаясь обратно в избу.

– Какая я тебе бабка, опомнись! – запричитала жена, удивленная негаданным его возвращением. – Куда хоть едем-то, скажи?

– Да в город же! Внук у нас с тобой объявился! – Валяхха сунул жене телеграмму.

Жена засуетилась, принялась собираться в дорогу. Радостные эти хлопоты заставили Валяхху позабыть на время о своей ущемленной охотничьей гордости.

## VI

Теперь уже Шурсямга не расставался с Сарккой. Они вместе охотились, загоняли добычу и делили ее между собой. На первых порах им везло. Сначала попался хромой заяц, потом волки нашли на берегу реки Хырла почти не тронутую лисами и прочим зверьем замерзшую тушу дохлого кабана... Хотя с наступлением лютых рождественских морозов волкам опять пришлось туго: лес опустел, будто все живое вдруг покинуло здешние края.

После пятидневной голодовки Шурсямгу снова повлекло к человеческому жилью, где, как он помнил, оставалось еще немало овец. Но Саркка, никогда не перечившая ему, неожиданно заупрямилась. Она ни за что не хотела идти к деревне, а тянула своего повелителя в незнакомые ему леса за рекой. Шурсямга ни разу не переходил на ту сторону реки. Он всегда считал, что тамошние леса принадлежат другим волкам, а нарушить чужие границы Шурсямга не собирался: у него были свои уголья, свои дебри, в которых он чувствовал себя хозяином. Однако Саркка не унималась, и Шурсямга в конце концов уступил подруге. Волки перебежали через реку и углубились в заснеженные заросли. Довольная Саркка, по брюхо утопая в мягком и глубоком снегу, ни на шаг не отставала от Шурсямги.

Продравшись сквозь прибрежную черемуховую крепь, спутанные и полеглые ветки ивняка и ольхи, волки пересекли речную долину и очутились в просторном липовом лесу. Здесь было тихо, спокойно, и только где-то в вышине, раскачивая оголенные ветви, ровно шумел ветер. Огромные деревья возвышались посреди молодых тонкоствольных лип, будто старые полководцы в окружении верных телохранителей, что были готовы первыми принять на себя удары врагов. И в самом деле, на темной коре молодых лип виднелись белые шрамы от заячьих и лосиных погрызов. Очевидно, здесь

легче было найти добычу. Во всяком случае, Саркка рыскала по этому лесу столь же уверенно и неутомимо, как у себя дома, за рекой.

Спустя малое время ветер принес волкам первую обнадеживающую весть – запах лося. Правда, Шурсямге еще не приходилось нападать на лосей, и поэтому он не придавал этому запаху никакого значения. Но Саркка оскалилась, зарычала и, вздыбив шерсть, устремилась навстречу ветру. Шурсямга прибавил шагу и обогнал волчицу.

В липовом мелколесье, в глубине которого там и сям росли молодые осины, волки вскоре обнаружили лося. Старый бык невозмутимо обламывал губами тонкие осиновые побеги и неспешно перетирал их во рту. Сохатый не обратил особого внимания на двух подтощавших волков, что появились поодаль. За свою долгую жизнь ему не однажды доводилось отражать волчьи наскоки. Обычно после нескольких неудачных атак волки оставляли могучего быка в покое. Впрочем, чаще всего они вообще не отваживались приближаться к нему.

Наверное, лось полагал, что и сейчас эта пара не рискнет напасть на него, а лишь поглазеет издали да и отправится своей дорогой.

Однако волки не ушли.

В былые времена матерый лось не слишком испугался бы даже самого медведя – косолапого владыки всех окрестных лесов. Рога и копыта безотказно выручали сохатого, служили ему надежным оружием. Ему ничего не стоило молниеносным ударом острого копыта раскроить волчий череп, и волкам это было хорошо известно. Но лосиные годы уже клонились к закату, прежняя сила и меткость ударов могли ему изменить. И лось, чувствуя это, совершил свою первую ошибку – он решил выйти на поляну, чтобы деревья не помешали отразить нападение нахальных волков.

Ни Шурсямга, ни волчица, пожалуй, не осмелились бы броситься на неподвижно замершего в мелколесье сохатого. А теперь они приняли лосиную предосторожность за отступление, и это их ободрило. Саркка попыталась отвлечь внимание лося, сделав вид, что собирается вцепиться ему в бок. И тут Шурсямга метнулся к лосиному горлу.

Тяжелый удар копыта отшвырнул незадачливого Шурсямгу далеко в сторону. Взметая снежную круговерть, он кубарем покатился по рыхлым суметам. К счастью для Шурсямги, удар пришелся ему не по голове и был недостаточно быстрым. Лосиное копыто плашмя обрушилось на спину волка, сумевшего-таки увернуться в последний момент, тупо скользнуло по густой шерсти, не причинив Шурсямге никаких увечий.

Но когда разъяренный волк, рыча от боли и щелкая зубами, вскочил на ноги, чтобы вновь кинуться на добычу, сохатый был уже далеко. Проваливаясь в глубокий снег и мощными рывками выпрастывая свое грузное тело из вязких сугробов, он громадными прыжками уходил от волков.

И это была его вторая ошибка, потому что каждый такой рывок отнимал у лося немало сил.

Однако лось не думал об этом и был уверен, что получившие отпор волки не станут его проследовать. Впрочем, если бы он мог оглянуться на бегу, а точнее, окинуть взглядом оставленное позади пространство, то, несомненно, заметил бы, как неподалеку от его следа, на открытых местах, где нетронутый, улежавшийся снег был чуть плотнее и тверже, возникают темные лунки – отпечатки неутомимых волчьих лап.

Они нигде не прерывались, не уклонялись от следа и были похожи на две последние темные бороздки, которые чертила природа на белоснежной земной ладони и в его, лосиной, судьбе.

А над все еще гордо вскинутыми рогами сохатого, над опущенными волчьими мордами – над всеми, кто сейчас таился от врагов, спасался бегством и преследовал жертвы, – глухо шумел равнодушный к борьбе и страданиям лес.

К вечеру волки настигли сохатого. Он стоял, забившись в непролазную чащу и поводя опавшими боками.

Лось насторожился, готовясь к новому нападению. Но волки не торопились. А он был обеспокоен настырностью этих волков, хотя все же не вступал с ними в решительную схватку. Сохатый пока не потерял надежду отвязаться от своих преследователей. Собрав все свои силы, лось опять ринулся прочь, он словно позабыл о том, что бегство всегда возбуждает у волков жажду погони. Они как бы убеждаются в том, что намеченная жертва боится их, а это придает им храбрости.

С первыми проблесками утренней зари усталый лось выбрался из лесных дебрей на широкую поляну, где ближе к краю высился раскидистый дуб. Здесь сохатый остановился, чтобы немного передохнуть, и вдруг увидел справа и слева от себя зеленовато мерцающие волчьи глаза. Потную лосиную шкуру тронула мелкая дрожь, а это не укрылось от пристального взгляда Шурсямги. Он вскочил на поляну, преграждая лосю отступление к лесу.

Столь откровенная наглость уже битого однажды волка разозлила сохатого. Он пригнул рога и двинулся к Шурсямге, но тот проворно отскочил и вроде бы изготовился к прыжку.

Лось едва не упустил из виду того, что сзади к нему подкрадывается волчица. Он круто повернулся и бросился на Саркку. Однако и волчица легко уклонилась от лосиных рогов. И тут перед взмыленной лосиной мордой мелькнул свирепый волчий оскал. Сохатый вздыбился, ударил передними копытами, но промахнулся – Шурсямга сделал ложный выпад.

А вот Саркка не утратила мгновенной точности прыжка.

Передние лосиные копыта еще не успели коснуться снега, когда волчица рванулась вперед и глубоко располосовала клыками круп сохатого. С размаху Саркка перелетела на другую сторону, упала в снег, но моментально вскочила и отпрыгнула к дубу. Это спасло ее от копыт рассвирепевшего быка, который мог бы затоптать волчицу...

В горячке боя сохатый не сразу сообразил, что получил серьезную рану. Но когда он почувствовал боль, а затем ощутил, как по его ноге потекла кровь, все тело быка неудержимо содрогнулось. Старому бойцу было

известно, что вместе с кровью из тела уходят силы, которые так необходимы ему сейчас, чтобы отразить беспощадных врагов. В глазах сохатого возникла смертная тоска, а его горбоносая голова невольно повернулась к молчаливому лесу.

Лес был рядом. Он по-прежнему спокойно шумел верховым ветром. Величавый, занесенный мертвыми снегами, но ежегодно возрождающийся к новой жизни, бесконечный во времени лес, которому были чужды эти переходящие, сиюминутные страсти суетливо преследующих и пожирающих друг друга ничтожных живых существ...

А волки, должно быть, опасались покуда приближаться к раненому противнику. Они застыли у края поляны, глядя голодными глазами на медленно расползающееся у лосиных ног кровавое пятно. Наконец Шурсямга подошел к волчице и лизнул ее в морду, как бы желая сказать своей подруге: «Молодчина, Саркка! Ты прекрасно справилась со своим делом. Теперь нам остается только подождать...»

Говоря по совести, сам Шурсямга, после того как изведал тяжесть лосиного копыта, вряд ли отважился бы на такой дерзкий прыжок. Но Саркке все равно было приятно его одобрение. Волчица благодарно шевельнула хвостом, переступила с ноги на ногу.

И тогда истекающий кровью, но все еще не сдающийся лось допустил в своей жизни самую последнюю ошибку.

Вместо того, чтобы попытаться использовать негаданную передышку и как можно дольше не двигаться с поляны – в надежде на то, что кровь постепенно уймется, а сияющая рана слегка затянется, – он отступил к лесу.

Сначала лось шел неуверенно, ожидая нападения и густо окропляя липкой кровью взрыхленный копытами снег, но потом шаг его как будто окреп, выровнялся. А сквозь сомкнувшуюся за ним лесную чащу сохатый прорвался уже в стремительном беге, хотя силы могучего зверя были явно на исходе.

Волки расступились перед грозно храпящим быком и даже не выказывали намерения тотчас же броситься ему вслед. Они кинулись к багровым пятнам, жадно облизывая и залатывая пропитанные кровью, обледенелые комья. Однако вкус свежей крови лишь раздражил волчий голод. Шурсямга и Саркка плечом к плечу опять рванулись в погоню.

К полудню волки достигли небольшого осинового островка, где в глухих зарослях укрылся обессилевший лось. Теперь он стоял неподвижно, но у сохатого уже не оставалось никакой надежды на спасение. Старый бык чувствовал это. Знали об этом и обложившие его с двух сторон волки.

Они терпеливо лежали на снегу, прислушиваясь к прерывистому дыханию своей жертвы, не спуская с нее напряженных и голодных глаз.

Крупная дрожь прокатилась по лосиной спине. Он покачнулся, и волки мгновенно вскочили. Но лось не падал. Сохатый не хотел становиться легкой добычей, а предпочитал встретить свою смерть в бою и потому шагнул вперед... Однако Шурсямга и Саркка отнюдь не собирались попусту

растрачивать силы на бессмысленную теперь борьбу. Скаля зубы и поджимая хвосты, они предусмотрительно подались назад.

Старый боец замутненными глазами с презрением и гневом взглянул на своих попятившихся врагов. Ноги его подкосились, и он тяжело рухнул на землю. Из-под трепещущих лосиных век выкатились слезы и, прожигая не тронутый волчьими лапами наст, канули в холодную глубину.

Волки, дрожа от нетерпения, с двух сторон осторожно подступили к сохатому. В последнем глубоком вздохе уловив ноздрями совсем близкий запах ненавистных врагов, лось попытался подняться, загреб ногой снег... Но жизнь уже покинула его тело, а острые волчьи клыки разрывали безвольно откинутую шею...

Ветер продолжал все так же ровно шуметь в вышине. И лес стоял вокруг – такой же недвижимый, заснеженный, одинаково безразличный к торжествующим победителям и поверженной жертве...

Насытившись, Шурсямга и Саркка отошли в сторонку, прилегли, положили друг на друга головы и заснули. Волчий сон был беспокоен и чуток. Они то и дело просыпались, тревожно принюхивались – не крадется ли кто-нибудь к их добыче, лениво подходили к лосиной туше и, отхватив от нее кусок-другой, опять укладывались на снег.

Еще не сгустились вечерние сумерки, когда Шурсямга услышал в отдалении протяжный, голодный вой:

– У-у-у-о-о-о!..

Саркка, наверное, не придавала этому вою большого значения. Она только насторожила уши, но не поднялась. А Шурсямга мгновенно оказался на ногах. Он понимал, что охотится в чужих угодьях, и был не прочь покинуть их добровольно, однако оставлять несъеденную добычу не входило в его намерения.

Вскоре на лесной опушке появились два волка. Медленным шагом они направились к осиновому островку, где лежала туша сохатого. Пока эта пара пересекала открытое пространство, Шурсямга хорошо разглядел обоих волков. Впереди двигался широкогрудый самец, с крепкими мускулистыми лапами и искусанной – в шрамах – мордой. За ним вышагивала волчица, которая была помельче Саркки. На ее серой шерсти выделялись желтоватые подпалины.

Шурсямга выступил из осиновых зарослей, и пришлые волки замерли. Очевидно, Саркка тоже почуяла недоброе, потому что она поднялась со своей лежки и подбежала к Шурсямге, готовая поддержать его в любых обстоятельствах.

Обе пары хищников стояли не шевелясь, как бы изучая друг друга. Наконец широкогрудый волк снова направился к островку. Его спутница тронулась было за ним, но, взглянув на грозно оскалившегося Шурсямгу, остановилась и тихо заскулила, будто предлагая своему напарнику не торопить события. Однако широкогрудый волк был, наверное, очень голоден. Он не обратил внимания на предупреждение волчицы и опять ступил несколько шагов вперед, обходя Шурсямгу и в то же время словно бы

прося у него разрешения воспользоваться частью добычи: «Вы охотитесь в чужом лесу. У вас много мяса, а мы давно его не видели. Ну что вам стоит поделиться? Все равно целого лося вам за раз не съесть...»

Шурсямга в ответ обнажил клыки и преградил путь широкогрудому волку. «Не твое дело, где мы охотимся и сколько у нас мяса... Проваливай отсюда! Это наша добыча!» – слышалось в злобном рычании Шурсямги.

Широкогрудый волк понял, что переговоры окончились не в его пользу и что теперь только смертельная схватка с этим молодым наглецом может решить, кому будет принадлежать этот лес и лежащая в нем лосиная туша. Палевая волчица предостерегающе заворчала: «Да пускай они оба подавятся своим мясом! Не связывайся с ними, пойдём отсюда ...»

Но широкогрудый волк не внял совету подружки. Голод оказался сильнее благоразумия. Он прыгнул на Шурсямгу, и оба волка покатались по снегу, свирепо рыча и кусая друг друга...

Широкогрудый был матерым зверем. И при иных обстоятельствах Шурсямга не рискнул бы схватиться с таким опытным противником. Но закон леса требовал от Шурсямги защищать свою добычу от всякого врага. Кроме того, Шурсямга был сыт, он хорошо отдохнул после погони за лосем. А широкогрудый волк заметно отощал в бесплодных поисках добычи и был слишком ослеплен яростью, чтобы расчетливо использовать свои силы и боевой опыт...

Внезапно оба волка разом поднялись на задние лапы и, как бы обнявшись передними, рыча и кусаясь, сошлись пасть в пасть, стараясь улучшить момент и вцепиться один другому в горло.

Тем временем волчицы, обнажив на всякий случай клыки, безучастно наблюдали за схваткой, не приближаясь к месту боя. Они были только зрителями. Закон леса не позволял им вмешиваться в подобные бои. Они, волчицы, – хранительницы жизни. Их предназначение – продолжать род. И погибнуть от зубов своих же сородичей в заурядной драке они не имеют права.

Снег на месте волчьего поединка окрасился кровью соперников. Оба они были жестоко искусаны, однако у Шурсямги еще сохранялось в запасе немало сил, а изголодавшийся широкогрудый волк явно слабел, хотя и не помышлял об отступлении. Он решил победить или умереть...

Словно бы договорившись между собой, волки отскочили по сторонам столь же неожиданно, как и сошлись. Теперь они кружили друг подле друга, выбирая удобный миг для прыжка. Широкогрудый волк снова первым бросился на Шурсямгу и промахнулся... Он еще барахтался в сугробе, когда Шурсямга в неотразимом прыжке схватил широкогрудого за горло...

Шурсямга долго терзал своего бездыханного врага, не в силах унять охватившую его злобу. И лишь когда Саркка приблизилась к своему повелителю и, недовольно ворча, приняласьлизывать его раны, Шурсямга смирил свою злость.

Тщательно обнюхав и убедившись в гибели широкогрудого волка, Шурсямга и Саркка вспомнили о палевой волчице, которая, присев на задние лапы, не сделала ни единого движения, чтобы помочь своему напарнику.

Шурсямга осторожно подошел к палевой волчице, обнюхал ее и толкнул мордой в бок. Та поднялась, затрусила к лосиной туше и жадно накинулась на мясо.

Такая щедрость Шурсямги, по-видимому, не понравилась Саркке. Она глухо зарычала и двинулась к палевой волчице, которая с хозяйской уверенностью поедала чужую добычу. Впрочем, приблизиться к сопернице Саркка не успела. Шурсямга оттеснил свою ревнивую подругу, показав ей острые клыки. «Не смей трогать эту волчицу!» – как бы приказал он, и Саркка не посмела ослушаться.

Поворчав для порядка, она улеглась на снегу; Шурсямга присел рядом с Сарккой. Они спокойно наблюдали за палевой волчицей, которая никак не могла насытиться.

Наконец она подняла окровавленную морду, облизнулась и неспешно потрусила к ним, но, не дойдя нескольких шагов, легла напротив Шурсямги. И опять поведение палевой волчицы вызвало недовольство Саркки. Она подошла к незваной гостье и, зарычав, оскалила клыки. Волчица поднялась и отступила подальше, но Саркка не довольствовалась этим. В ее угрожающем рычании палевая волчица ясно слышала: «Ты наелась и убирайся прочь! Иначе тебе придется помериться силой со мной!»

Пришлица молча отступала, поглядывая то на злобно ощеренную Саркку, то на равнодушно сидящего волка.

«Нет, нет!.. Свои дела решайте сами! Я не хочу вмешиваться в отношения волчиц!» – всем своим видом выражал Шурсямга.

Саркка не набрасывалась на свою соперницу, но ее злое рычание как бы говорило, что та здесь лишняя и лучше всего ей поискать покровителя в другом месте.

Поняв, что все ее старания заручиться поддержкой Шурсямги ни к чему не приведут, палевая волчица, последний раз взглянув на своего мертвого друга, повернулась и покорно потрусила в лес. Она бежала все быстрее и быстрее, низко опустив морду, пока не скрылась за нахмуренными елями.

Саркка пристально смотрела ей вослед. И лишь когда из сумрачной глубины леса донесся одинокий, тоскливый вой, Саркка подошла к Шурсямге и удовлетворенно растянулась у его ног...

## VII

Зимой волки не любят подолгу задерживаться на одном месте. Днем и ночью они рыщут по лесам и полям в поисках добычи, пробегая за сутки многие десятки километров. Недаром говорят, что волка ноги кормят.

Шурсямга и Сарккв не стали нарушать сложившийся веками волчий обычай. В осиновом островке они прожили только до тех пор, пока от туши сохатого ничего не осталось. И голод опять погнал их на поиски добычи.

В сумерках волки перебежали обратно через реку Хырла, пересекли занесенное снегом открытое поле и устремились в поросший частым кустарником перелесок, который жители близлежащих деревень называли Када. Люди иногда навевались сюда за хворостом.

Трескучие морозы давно миновали. Улеглись февральские вьюги, и к полудню в солнечном затишке первая робкая капля еле слышным звоном возвещала о наступающей весне.

Странное, не испытанное доселе беспокойство овладело волчьей четой. Она никак не могла облюбовать себе подходящего места для дневной лежки, и даже совместная охота не всегда ладилась теперь у волков.

При переходах Шурсямга то убегал далеко вперед, покидая недовольную Саркку в одиночестве, то разрешал волчице бежать рядом, а подчас пропускал ее вперед, что совсем еще недавно было ей категорически запрещено.

Как раз в один из таких беспокойных дней, когда Шурсямга прилегло подремать под кустом, Саркка поднялась с лежки задолго до наступления сумерок и побежала к невысоким холмам, за которыми вилась накатанная санными полозьями проселочная дорога, что огибала перелесок Када и вводила в деревню. Шурсямга повременил, надеясь, что волчица вернется, а затем неохотно последовал за своей подругой.

Поднявшись на вершину холма, Саркка вдруг ошетибилась и зарычала. Подоспевший Шурсямга тоже выглянул из-за гребня и увидел вдалеке одинокую женщину, которая тащила по дороге груженные хворостом санки.

Волки уже третий день не встречали на своем пути никакой живности. Быть может, поэтому фигурка неторопливо удаляющейся от них женщины заронила у голодных хищников мысль о доступной и верной добыче.

Во всяком случае, Саркка, долго не раздумывая, спустилась с холма и привычно бросилась в погоню. Однако Шурсямга почему-то медлил. Человек был для него ненавистным и опасным врагом, но никак не дичью, которую легко догнать и убить. И все-таки он не мог примириться с тем, что волчица сама начала охоту. Шурсямга догнал Саркку, на ходу толкнул ее плечом, и волчица покорно замедлила бег. Теперь она держалась позади Шурсямги, потому что право вести охоту всегда принадлежит волку, и только волку, назависимо от вида добычи и времени года...

Волки бежали снежной целиной по обе стороны дороги. Наст не провалился под ними, и вскоре они настигли женщину.

Она заметила волков, когда Шурсямга и Саркип были уже почти рядом. От испуга женщина замерла посреди дороги, а раскатившиеся под горку санки едва не сбили ее с ног и скользнули к обочине.

Волки сразу почувствовали, что настигнутая жертва их боится.

Саркка выскочила на дорогу позади женщины, а Шурсямга отрезал ей путь впереди. Правда, волк еще не до конца поверил в то, что ведет



настоящую охоту на человека, и потому сел на задние лапы, в ожидании, когда женщина бросится бежать, чтобы в азарте погони позабыть обо всем, кроме неутолимой жажды крови.

Но женщина не двигалась, должно быть, ноги у нее отнялись от страха. Да и бежать ей было некуда, а кричать она не могла – голос пропал. Женщина, конечно, слышала, что в лютые зимние морозы, особенно по ночам, волки иногда нападают на человека. Но чтобы такое могло случиться на пороге весны, ясным и теплым вечером, ей даже в голову не приходило.

Сбитый с толку непонятым поведением женщины, Шурсямга, задрав морду к небу, испустил грозный охотничий клич. Саркка тотчас же присоединилась к его вою.

В чувашских деревнях старики говорят, что подавая на охоте голос, волки просят у покровителя зверей бога Пихамбара разрешения взять добычу. И горе тому, кого не защитит звериный бог Пихамбар...

Однако куда волки обращались за благословением к своему богу, женщина как будто немного справилась с охватившим ее ужасом. Неожиданно она медленно двинулась к Шурсямге. Сначала сделала полшага, затем – шаг, еще один... И вдруг решительно пошла прямо на растерявшегося зверя.

Женщина не отрывала взгляда от грозно оскаленной волчьей морды. И Шурсямга внезапно почувствовал, что он не может противиться этим твердым и пронзительным глазам, что приказывали ему убираться прочь.

Тревога и непонятный страх перед беззащитным человеком, у которого не было в руках смертоносной железной палки, но который, тем не менее, не спасался бегством, все больше и больше овладевали волком. Сейчас он уже осознавал, что никогда не сумеет преодолеть этот страх и кинуться на идущую к нему женщину...

Что ж, вероятно, и в самом деле есть доля правды в том, что никакой зверь не в силах выдержать человеческого взгляда. Потому что, как только женщина подошла к волку чуть ли не вплотную, он отвел свои немигающие, голодные глаза...

А женщина уже не останавливалась. Она все шла, как бы оттесняя зверя своим взглядом. И волк снова был вынужден отступить.

Теперь они словно поменялись ролями: бесстрашная женщина преследовала трусливо отступающего волка. Но Шурсямга все-таки предпринял еще одну попытку смутить приближающегося к нему человека. Волк опять уселся на дороге. Жмуря глаза, он вроде бы в ленивом зевке широко открыл пасть, вдергивая губу и обнажая острые клыки. Однако и это не остановило женщину. И тогда волк длинным прыжком метнулся в сторону, на придорожный наст...

А женщина даже не взглянула на побежденного Шурсямгу. Ровным своим шагом она неторопливо прошла мимо оцетинившегося зверя, но он не посмел ее остановить.

Разумеется, Шурсямга даже не представлял себе, каких усилий стоило женщине сохранить спокойствие и внешнюю невозмутимость, а не броситься

опрометью подальше от этого страшного места, где ее только что подстерегала смерть от волчьих зубов. Страх не покидал женщину ни на секунду, а сердце было готово вырваться у нее из груди. Знай об этом волк, быть может, все кончилось бы иначе.

Да, женщину спасло самообладание. Хотя, впрочем, не одно лишь мужество человека удержало Шурсямгу от губительного прыжка. Во всем облике этой женщины было что-то знакомое дикому зверю. И волк не смог подавить возникших в нем смутных воспоминаний о беззаботных играх с деревенским мальчиком, о теплой и нежной женской руке, которая когда-то гладила жесткую шерсть на спине несмышленного волчонка...

Когда женщина наконец скрылась за поворотом дороги, к Шурсямге подбежала Саркка, напрасно ожидавшая сигнала, чтобы включиться в охоту. Волчица не понимала и неодобряла странного поведения своего друга. Она была возмущена тем, что он позволил беспрепятственно уйти такой легкой добычей, которая, очевидно, не умела защищаться ни зубами, ни хотя бы ногами, как лось.

Предлагая вновь начать преследование, Саркка легонько куснула Шурсямгу в плечо. Волк посмотрел на нее и словно бы очнулся от сна. Но едва лишь Саркка повернулась к дороге, чтобы пуститься в погоню за женщиной, Шурсямга преградил ей путь. Саркка попыталась его обойти, и тогда он, свирепо зарычав, больно цапнул волчицу за шею.

Взвизгнув от боли, Саркка поджала хвост и затрусилась обратно к перелеску.

Шурсямга с мимолетной тоской взглянул на опустевшую дорогу, на брошенные женщиной санки с охапкой хвороста, что сиротливо уткнулись загнутыми полозьями в снег, и побежал за своей волчицей.

## VIII

Волки очень скоро позабыли о том, как они повздорили между собой на той необычной охоте. В перелеске Шурсямга поднял забившегося в густой кустарник раненого глухаря. Тяжело вспорхнув над сугробами, птица заполошно шарахнулась от волка и угодила напрямик в пасть Саркки. Скучная эта пища все же несколько подкрепила их силы и улучшила настроение. К тому же, в отличие от людского племени, среди волков гораздо реже встречаются злопамятные особы.

С каждым днем Шурсямгу все сильнее и сильнее тянуло к Саркке. Он уже больше не убегал далеко от волчицы, часто останавливался, поджидая подругу, а потом и вовсе перестал отходить от нее. Волки повсюду появлялись вместе и неизменно бежали рядом – плечом к плечу.

Однажды, когда солнце уже скрылось за дальними лесами и волки, как обычно, рыскали по окрестным холмам и опушкам, не теряя из виду знакомого перелеска, Шурсямга неожиданно игриво толкнул Саркку влажным носом в бок и отпрыгнул в сторону.

Саркка с нарочитым удивлением посмотрела на волка, вроде бы не понимая, что это с ним вдруг произошло.

Шурсямга повалился в снег и лег на живот, будто приглашая Саркку подойти к нему, а как только она улеглась подле ног, ласково лизнул ее в ухо. Волчице понравилась ласка Шурсямги, но разлеживаться на одном месте ей было невтерпеж. Саркка поднялась и направилась к перелеску Када. Шурсямга вскочил на ноги и двумя прыжками настиг волчицу, держась теперь, однако, не у ее плеча, а поближе к хвосту...

На поляне волки долго возились, как маленькие щенята, боролись, вставая на дыбки, шутя покусывали друг друга то за бока, то за шею, без усталости валялись в мягком и пушистом снегу.

Казалось, что они совсем не думают о возможных опасностях, которые всегда подстерегают диких зверей, о существующих где-то людях, о дружбе и вражде, об отдыхе и голоде... Им было весело и хорошо. На всей земле, что принадлежала сейчас только им двоим, воцарились покой и мир. И если на эту поляну вдруг забежал бы какой-нибудь любопытный зайчишка, то волки, даже заметив косога, пожалуй, не тронули бы его...

Наступила весна – пора зарождения новой жизни. Томительное время любовных игр.

## IX

Из города Валяхха приехал в начале марта. И первым, кого он встретил в деревне, была его соседка. Она как раз расчищала занесенную снегом тропинку, что вела от дороги к калитке,

– И-и-и, Валяхха! – поздоровавшись, с притворным сожалением запела соседка, воткнув лопату в снег. – Уж я-то думала, что ты волка убитого несешь, а это у тебя чемодан через плечо... Небось в городе-то волков нету?. А у нас никакого житья от них, проклятых, не стало! Ты знаешь вдову из Анаткасов?. Ну ту, у которой сынишка года три назад помер?. Так вот, пошла она в Када за хворостом, а на обратном пути два волка чуть ее не сожрали. Вот те крест! Она, бедная, едва ноги от них унесла... Нет, Валяхха, надо мне, видать, все же в Шемуршу идти, тамошних мужиков просить, чтобы избавили от разбойников. Дак и Палюш в Шемурше живет. Вот это охотник так охотник! Уж он-то волка не упустит!

Обидные речи соседки будто кипятком ошпарили Валяхху. Ведь если даже эта балаболка такое себе позволяет, то, значит, другие люди теперь и подавно сомневаются в его охотничьем мастерстве?..

– Типун тебе на язык – не утерпел он. – Ты думаешь, что Валяхха в городе перестал быть охотником? Или разучился держать ружье?...

– Экая невидаль – ружье держать! Да это и любая баба сумеет! – дерзко откликнулась соседка.

Но Валяхха не стал с нею спорить, попусту время терять, а молча пошел к своей избе.

На следующее утро, не обращая внимания на оттепель и падающий мокрый снег, он отправился на охоту.

Все ближние и дальние лесные чащобы обошел Валяхха, все овраги да буераки облазил, почти под каждый куст заглядывал, однако волчьих следов так и не обнаружил.

«Надо было этого чертова волка еще зимой ухлопнуть, а не ждать до весны, – хмурясь, раздумывал усталый охотник, шагая к деревне. – Должно быть, повстречал наш Шурсямга волчицу, да и отправились они куда-нибудь в другие места. Или же давным-давно угодили под картечь городских, приезжих охотников... Хотя черт их знает, этих волков, что с ними стряслось и где они прячутся!..»

А свернуть с дороги да хорошенько обшарить густые кустарники в перелеске Када, который можно было без особого труда пройти вдоль и поперек, измотавшийся за день Валяхха так и не догадался...

## Х

Под яркими лучами осели глубокие сугробы, потемнели белые снега. В одночасье изошли они бурливыми ручьями, раздольным вешним половодьем. Пробудилась от долгой спячки земля. И покуда еще нагая, не прикрытая зеленью, нежилась она под солнцем, готовясь к великому таинству материнства. А все живое, что вышло уже из ласкового лона ее, радовалось теплу и свету. Забывались зимние невзгоды, и казалось, что вместе с лютыми морозами да вьюгами навсегда исчезнут тяжкие горести и беды. А тех, кому суждено еще прийти в этот солнечный мир, отныне будут ждать впереди только безоблачные и счастливые дни...

И вот закружилась по лесам да полям невеста Весна, словно красная девица в нарядном своем сарафане. Щедро разбросала охапки цветов по лугам, свадебной фатой прикрыла черемуховые заросли и яблоневые сады.

Беспечно резвилась красавица Весна, водила веселые хороводы в ожидании своего жениха, что обещал ей прислать сватом жаркое Лето. А того все нет и нет... Обиделась невеста Весна, взмахнула венком из пестрых полевых цветов и унеслась дальше на север. Пускай поищет ее Июнь по белому свету, пускай другого свата шлет!

А Лето все бежит по земле, торопится принести своенравной красавице желанную весть от жениха, которого задержали в пути негаданные майские холода. Пока справился с ними Июнь, достиг заветной околицы – а невесты уже и след простыл! Надо догонять Весну, в полночные края за ней подаваться. Снова пустился в дорогу неутомимый Июнь. И там, где проходил он лесными дебрями да бескрайними полями, в каждой былинке, в речной глубине и в поднебесной выси оставалась малая частичка его горячего сердца.

Наступили теплые, погожие дни.

Однажды в сумерках Шурсямга лежал в густых зарослях, возле вывороченного ветром старого вяза, под корнями которого находилось

укромное логово. Близилась пора выходить на охоту, но Саркка не показывалась из норы. Волком овладело беспокойство.

Шурсямга заполз внутрь логова, чтобы узнать, в чем там дело, и напомнить Саркке об охоте. Но волчица встретила его сердитым рычанием. Он слегка попятился, однако Саркке, должно быть, это показалось недостаточным, и она больно укусила его в бок.

В иное время Шурсямга, конечно, не простил бы своей подруге такого непочтительного к нему отношения. Но сейчас инстинкт подсказывал волку, что он не должен пускаться в ход зубы, а обязан подчиниться требованию Саркки и побыстрее убраться прочь из логова.

Смирив обиду, Шурсямга выбрался наружу, отбежал в сторону и оглянулся, поджидая Саркку. Однако волчица так и не покинула укрытия.

Порыскав в перелеске и не встретив никакой добычи, Шурсямга опять вернулся к вывороченному вязу. Волк уже успел забыть о нелюбезном приеме, который оказала ему Саркка, и хотел привычно нырнуть под свисающие корни дерева, чтобы все-таки понудить подругу последовать за ним на охоту, но его снова не пустили домой.

Загораживая своим телом вход, Саркка мордой оттолкнула Шурсямгу, как бы прося его оставить ее в покое. Из глубины волчьего жилища доносился какой-то странный, не знакомый Шурсямге запах, там происходила еле слышная возня – и все это озадачивало волка. Правда, он уже вполне осознавал, что не имеет права оставлять без внимания желания Саркки, и поэтому на сей раз даже не пытался проникнуть внутрь логова, а покорно улегся перед входом. Голова Саркки показалась на поверхности, но волчица все же не решалась окончательно покинуть убежище. Глаза Саркки смотрели на Шурсямгу требовательно и недовольно.

Настойчивость волчицы подняла Шурсямгу на ноги. Он наконец понял, чего добивается от него Саркка, и побежал на охоту в одиночку.

Волк возвратился к логову лишь с утренней зарей, таща на спине зарезанного ягненка. Сам Шурсямга даже не прикоснулся к мясу, а положил добычу у входа в логово и отошел в сторону. Спустя некоторое время Саркка выбралась из норы и принялась спокойно поедать принесенную Шурсямгой пищу, не обращая при этом на него ни малейшего внимания, как будто так бывало всегда...

Теперь Шурсямге приходилось охотиться одному. Но он уже твердо усвоил свои новые обязанности и неизменно приносил добычу в логово. А однажды, когда ему удалось поймать забежавшего в перелесок, израненного совиными когтями зайца и Шурсямга вернулся домой пораньше, навстречу ему из логова вылезла Саркка, а вслед за ней выкатился похожий на клубок шерсти волчонок.

Это удивило Шурсямгу. Последнее время возня в логове почти прекратилась, писка не было слышно, и волк, конечно, не знал, что из всего принесенного Сарккой помета в живых остался лишь этот забавный щенок. Очевидно, долгая бескормица сказалась на волчице, и остальное потомство Шурсямги появилось на свет чересчур слабым, чтобы выжить.

Волк поднялся со своего места и настороженно приблизился к малышу. Готовая в любую минуту защищать этот беспомощный комочек, Саркка подозрительно следила за каждым движением Шурсямги.

А волчонок ничуть не испугался подошедшего к нему отца. Он сразу же сунулся под брюхо волку и начал тыкаться в него тупой мордочкой, отыскивая соски. Шурсямга обнюхал волчонка и, осторожно переступив через него, ласково лизнул опрокинувшегося на спину малыша. Саркка успокоилась и одобрительно потерлась мордой о плечо волка.

Так Шурсямга познакомился со своим сыном.

## XI

Впрочем, это событие покуда не внесло в жизнь Шурсямги особых перемен. Он по-прежнему охотился в одиночку, исправно кормил семью, хотя волчонок пока довольствовался материнским молоком.

Как-то под вечер Шурсямга неспешно трусил по дну поросшей травой глубокой ложбины, которая находилась неподалеку от деревни. Обычно ложбина пустовала, и по ней было удобно подбираться к самой околице. Но сегодня на травянистом склоне паслась корова, и волк по привычке начал подкрадываться к ней, хотя и понимал, что без помощи Саркки эту добычу ему не одолеть.

Корова почуяла волка. Тревожно замычав и пригнув рогатую голову, она с грозным фырканьем принялась разрывать передними копытами землю, стараясь отпугнуть волка. Шурсямга, однако, не испугался. Присев на задние лапы, волк с любопытством наблюдал за ее маневрами.

Быть может, поэтому он не сразу заметил мальчика, который вдруг появился на склоне ложбины и бесстрашно направился к волку, помахивая тоненькой хворостиной.

– Уходи отсюда, противная собака! – еще издали кричал мальчик. – Ты зачем пугаешь корову?

Шурсямга не тронулся с места. Он только слегка оскалился и насторожил уши.

– Я кому говорю? Уходи! – не унимался мальчик.

Он подошел к волку совсем близко. Гибкий кончик хворостины задел морду Шурсямги. Волк отпрыгнул подальше и опять опустился на задние лапы. Даже испытанная только что боль почему-то не пробудила в Шурсямге злости и желания броситься на мальчика. С волком внезапно произошло то же самое, что случилось с ним давно, на зимней дороге, когда он поддался Саркке и задумал напасть на женщину. Как и в тот раз, Шурсямгу удерживали смутные воспоминания. Но сейчас сдерживающее чувство было несравненно сильнее, потому что семилетний мальчик, его звонкий голос, движения, круглое лицо – все это как бы вдруг вернулось к Шурсямге из невозвратного прошлого. Нечто сходное с нежностью пробудилось в угрюмой волчьей душе...

Но мальчик, разумеется, и не подозревал о тех чувствах, которые одолевали волка. Он даже не предполагал, что перед ним настоящий волк, и продолжал размахивать своей хворостиной, отгоняя медленно отступающего Шурсямгу. Наконец мальчику показалось, что он достаточно напугал эту огромную собаку с белой метиной на лбу.

– Хас! Пошли домой! – сказал мальчик корове, подстегивая ее хворостиной.

Но ту и подстегивать было не надо. Корова повернулась и припустила рысью в деревню. Мальчик беспечно побежал за ней, даже не оглянувшись на Шурсямгу.

А волк еще долго смотрел на гребень ложбины, за которым скрылся мальчик. Шурсямга никак не мог подавить тех чувств, что всколыхнулись в нем при виде этого человеческого детеныша. И если бы сейчас кто-нибудь посмел напасть на этого ребенка, Шурсямга, ни минуты не колеблясь, кинулся бы ему на помощь.

Между тем мальчик гнал корову домой. Встреча в ложбине с большой собакой не оставила в его душе никакого следа. Просто он отогнал от коровы какую-то собаку, что отбилась, наверное, от своего хозяина и мешала корове спокойно пастись. Хотя знает он, что перед ним волк, мальчик ни за что на свете не посмел бы стегать его хворостиной...

## ХII

А жизнь шла своим чередом. И тем, кто пришел в этот мир, надо было жить, расти, крепнуть. Исполняя предназначение природы, взрослые должны были заботиться о своем потомстве, а потомство – любить и почитать тех, кто подарил им жизнь. И не на этом ли простом и непреложном законе зиждется все сущее на земле? Что это – долг, голос крови?. Но не все ли равно, как назвать это неистребимое чувство, которое не дает угаснуть роду, оборвать связующие его незримые нити...

Великой любовью друг к другу наградила мать-природа Шурсямгу и его маленького сына.

Волку теперь не терпелось поскорее вернуться с охоты домой, где его ждал маленький сын. И как только Шурсямга бросал у входа в логово принесенную добычу, оттуда тотчас же выскакивал радостный волчонок и набрасывался на еду. А волк с ласковым ворчанием смотрел на возню малыша, для которого во всем мире не было покуда еще ни боли, ни страха, ни смерти. Ограниченный уютным логовом и вытоптанной перед входом в него площадкой, на которой всегда появлялось мясо, мир волчонок был радостным и беззаботным, потому что на страже его стояли неутомимые отец и мать.

Налюбовавшись на сына, Шурсямга привычно располагался рядом с логовом, а волчонок принимался теребить пышный хвост отца, вскарабкивался на спину, подбирался к ушам, впиваясь слабыми зубами, тянул то за одно ухо, то за другое, пока не скатывался на землю по скользкой

шерсти, как с ледяной горки. И в такие минуты волк испытывал высшее блаженство...

Волчонок быстро рос, набирался сил и постепенно превратился в упитанного и неугомонного крепыша. Его вдоволь кормили. Отец и мать никогда не скупились на ласку. А что еще нужно для полного счастья маленькому лесному жителю, которому неведомы суровые законы дикой природы?

Когда волчонок достаточно подрос, его начали оставлять в логове одного, а Саркка отправлялась на охоту вместе с Шурсямгой. Это пришлось по душе волку, потому что ему давно уже надоело рыскать за добычей в одиночестве.

Однажды волки бежали краем леса, как обычно резвясь и нарочно покусывая друг друга, когда Саркка вдруг резко свернула к ореховым кустам, за которыми вблизи опушки паслись на жнивье домашние гуси.

Выглянув из-за орешника и не обнаружив возле гусяного стада людей, осмелевшие звери бросились в самую гущу бестолково гогочущей и хлопающей крыльями гусяной орды. Волки не были голодны, но тем не менее они принялись ловить и хватать за горло неувертливых птиц.

Уже с десятков окровавленных белых гусяных туш валялось на желтом жнивье, когда с близлежащей птицефермы выбежали люди и с криками бросились спасать оставшихся гусей. Волки не медля направились к лесу. Но по пути Шурсямга сумел еще прихватить отбившегося от стада гусака, который пытался улететь от побоища. Однако разжиревший на дармовых харчах гусак слишком понадеялся на свои дряблые крылья, что понесли его не к людям, а к лесу. Они не выдержали полета, и гусь шлепнулся прямо у ног Шурсямги. Оставить его было бы просто невозможно.

Едва лишь весть о том, как разбойничали в гусяном стаде Шурсямга со своей волчицей, достигла избы Валяххи, он не мешкая начал готовиться к серьезной охоте.

– Значит, снова объявились они, голубчики, в наших краях, – бормотал охотник, набивая картечью недавно купленные в городе латунные гильзы. – Ладно, посмотрим теперь – кто кого перехитрит...

Правда, Валяхха не стал расставлять приобретенные вкупе с гильзами тугие волчьи капканы. Он надеялся на свое тщательно вычищенное ружье, твердость руки и меткость глаза.

На следующий день с первыми проблесками зари Валяхха был уже за деревней. Он понимал, что упустить волков и на этот раз означает для него весьма ощутимую потерю охотничьего престижа уже не только перед вьедливой соседкой, но и перед всеми односельчанами.

### ХIII

Непреклонное решение Валяххи окончательно разделаться с неуловимой волчьей четой совершенно неожиданно показало мальчику,



который когда-то пас в ложбине свою корову, что за собаку он стегал своей хворостиной.

В тот день, отправляясь в Када за дровами, мать взяла мальчика с собой. Вдвоем они быстро нагрузили целый воз сухих веток и поехали обратно в деревню. Отдохнувшая лошаденка бодро трусила в упряжке.

Они уже выехали из лесу, когда неподалеку один за другим прогремели два выстрела. Вдруг лошаденка резко осадилась и, с беспокойным фырканием прядая ушами, попятилась в придорожные кусты, едва не опрокинув грузеный воз. Мальчик даже не сообразил, что произошло, как через дорогу перемахнули две вроде бы крупные собаки и бесшумно окрылись в зарослях. Правда, одну из них мальчик узнал по приметному пятнышку на лбу и потому не испугался. Иначе повела себя его мать.

– Караул, волки! – истошно заголосила она, выпуская из рук вожжи. – Люди добрые, помогите!

И лишь тогда мальчика тоже окатила холодная дрожь.

Кое-как поборов свой страх и справившись с храпящей и упирающейся лошадей, мать и сын вывели телегу на дорогу. Спустя минуту из лесу выскочил запыхавшийся Валяхха с ружьем в руке.

– Волков не видели? – закричал он, не обращая внимания на бледные лица ездоков. – Ранит я одного... Куда они побежали?

– Да вон в ту сторону, – срывающимся голосом откликнулась мать, указывая на кусты лещины. – Ты уж догони этих разбойников, Валяхха...

– Обязательно догоню! Теперь они далеко не уйдут! – обрадованно заверил ее охотник и ринулся сквозь кустарник...

– А я уже видел этого волка, у которого пятно на лбу, – тихо сказал мальчик матери, когда они подъезжали к деревне. – Он совсем не злой... Я тогда корову пас... Ну и постегал его немножко хворостиной, когда он хотел напугать нашу корову... А волк даже кусаться не стал...

Впрочем, мать еще не совсем избавилась от пережитого страха и потому, наверное, не расслышала того, что сказал ей мальчик. Но если бы до нее и дошли слова сына, то, конечно же, не поверила бы ему...

На этот раз картечь угодила Шурсямге в левую переднюю ногу, хотя не задела сухожилий и не перебила кости, а прошла сквозь мякоть.

Волк сперва и вовсе не почувствовал, что он ранен. Не отставая от Саркки, он перескочил через дорогу едва ли не перед лошадиной мордой и понесся чащобой, стремясь подальше уйти от охотника. Однако вскоре левая лапа у него вроде бы надломилась, и Шурсямга упал. Рыча от боли и страха, волк вскочил, но, прохромав несколько шагов, опять свалился на землю. Отбежавшая было волчица вернулась к Шурсямге. Злобно поскуливая и обнажая зубы, она толкнула его мордой в бок, как бы приказывая подняться. «Надо уходить! Поднимайся, если хочешь спасти свою жизнь!» – звучало в ее требовательном поскуливании. Собрав все свои силы, Шурсямга на трех ногах бросился вперед. Доковыляв до густого орехового куста, волк забился в самую середину и больше подняться уже не смог.

Саркка догадалась об этом, потому что не стала вновь понуждать Шурсямгу к бегу. Она обогнула куст и кинулась прочь, негромко подавая голос, чтобы отвлечь на себя идущего по кровавому следу охотника.

Притаившись в зарослях лещины, Шурсямга издали увидел вышедшего на прогалину Валяхху. Тот, ничего не слыша и держа ружье на весу, часто останавливался и наклонялся, чтобы получше разглядеть оставшиеся на траве капли волчьей крови. Неподалеку от куста они как будто пропали, и Валяхха выпрямился. Волк вжался в жухлую прошлогоднюю листву, словно хотел слиться с ней.

А охотник, опять наклоняясь и внимательно осматривая чуть ли не каждую травинку, подходил все ближе и ближе.

Злоба и ненависть охватили поверженного волка, шерсть на его загривке вздыбилась, он едва сдерживал рвущееся из горла рычание. Шурсямга боялся человека и его смертоносного оружия. Но сейчас он был готов броситься на охотника, чтобы убить его или самому погибнуть в борьбе, как повелевал закон леса.

И в этот самый миг, когда он уже изготовился к последнему прыжку, неподалеке послышался громкий вой Саркки.

– Ага-а-а... Вот вы куда улизнули! – пробормотал Валяхха, прислушиваясь к волчьему вою. – Ладно, сейчас я к вам пожалую...

Он повернулся и крадущимся, неслышным шагом направился на голос Саркки.

Шурсямга облегченно расслабил напряженные мускулы и в изнеможении закрыл глаза. Казалось бы, неминуемая смерть и теперь обошла его стороной.

Призывный вой Саркки раздавался то справа, то слева от охотника. Временами он как бы приближался к человеку, то снова удалялся. А когда Валяхха окончательно запутался в непролазных дебрях и не мог уже определить, в какой стороне находится та прогалина, где он в последний раз видел капли крови, голос Саркки вовсе пропал за дальними холмами.

Валяххе не оставалось ничего иного, как опять возвращаться в деревню с пустыми руками.

А волк до глубокой ночи не решался выбраться из своего укрытия. Шурсямгализывал рану, чутко прислушивался к шорохам, ловил ноздрями переменчивые ночные ветерки. Но запахи и звуки уже не таили в себе опасности. Тогда волк покинул ореховый куст и, припадая на раненую ногу, медленно заковылял к логову.

У входа его встретила радостная Саркка. Пока Шурсямга отлеживался в орешнике, она успела не только одурочить Валяхху, но и притащить из деревни поросенка, остатками которого теперь щедро поделилась с раненым главой семейства...

Больше недели не вылезал Шурсямга из логова. За эти дни он еще сильнее привязался к своему сыну. И когда лапа Шурсямги почти зажила, ему не особенно хотелось покидать укромное свое жилище. Но делать было

нечего – ведь заботы о пропитании семьи опять возлагались на его плечи. Вскоре Шурсямга даже попробовал поохотиться без помощи Саркки.

Однако не надеясь покуда еще меряться силами с какой-нибудь лесной дичью, волк потрусил к человеческому жилью.

Шурсямга и духом не ведал, что тем самым выставит охотника Валяхху на посмешище всей деревне.

#### XIV

В хозяйстве у Валяххи были корова и телка. Вдвоем с женой охотник помаленьку обиходил скотину. Они попивали свежее молоко, сбивали домашнее масло. Никакой нужды не водилось в доме Валяххи. Но его жена ни с того ни с сего вдруг обзавелась еще и козой.

– Да ты что? Совсем с ума сошла, старая? – рассердился Валяхха, когда жена привела козу на подворье. – Мало нам с тобой хлопот с коровой да телкой, так ты вдобавок козу притащила! Продай ты ее кому-нибудь, ради бога!..

Однако покладистая обычно жена Валяххи на сей раз заупрямилась:

– Уж ты-то, старый, лучше помолчи! Какие у тебя хлопоты? С утра до ночи по лесам за волками бегать? Дома вилы в руки не возьмешь, чтобы в хлеву почистить... А козье молоко не в пример полезнее коровьего. Вот приедет гостить внучок из города, я его козьим молочком попою...

Валяхха махнул рукой на очередную женину блажь. Хотя именно эта коза и послужила потом причиной многих его неприятностей.

Случилось так, что жена Валяххи однажды вечером забыла запереть дверь в хлеву. А когда вернулся домой муж и они спокойно улеглись спать в избе, козе приспичило прогуляться по двору. Откуда же ей было знать о том, что ослабевший от раны Шурсямга наведается нынешней ночью в деревню?

Волк, разумеется, тоже не предполагал, что разгуливающаяся при лунном свете по двору коза принадлежит знаменитому на всю округу охотнику, ружье которого причинило недавно Шурсямге столько страданий. Да и не было ему никакого дела до того, кому и что принадлежит на этом подворье.

В надежде на легкую добычу, волк перемахнул через низкий заборчик огорода, проскользнул в открытую калитку, но коза бесстрашно встретила хищника рогами.. Корова и телка тоже тревожно замычали в хлеву. И Шурсямга, успев только несильно цапнуть козу за бок, предпочел убраться подобру-поздорову.

Выйдя утром во двор, Валяхха глазам своим не поверил. Уж он-то никак не думал, что волк осмелится забраться летом к нему во двор. Но прорванный бок козы и волчьи следы на огородных грядках не оставляли в этом ни малейшего сомнения. По следам охотник быстро определил, что в гостях у него побывал все тот же распроклятый Шурсямга.

– Ну, постой! Я тебя проучу! – с досадой ворчал Валяхха, проходя огородными межрядьями. – Отобью у тебя охотку по дворам шарить... Вовек не забудешь!..

Хотя к вполне объяснимой досаде охотника сейчас примешивалось и другое чувство. Ведь, поди ж ты, он, Валяхха, ранил этого волка зимой, едва не прикончил недели три назад возле перелеска Када, а серый разбойник все не унимается. Должно быть, выводок у него подрастает и семейку-то свою волчьей кормить надо...

– Ты чего там бормочешь, старый? – окликнула Валяхху жена. – Дожила я с тобой! Над таким охотником, как ты, уже и волки потешаются. Последнюю козу со двора тащут!..

– А ты не шуми на всю улицу, – примирительно сказал Валяхха. – Чего кричать-то? Не утащили твою козу, не беспокойся. Теперь она и мне пригодится...

В голове у Валяххи постепенно созрел хитроумный план, как половчее и без особых хлопот добыть ему этого злополучного волка. Промыв рану козы карболкой, помазав ее йодом, Валяхха вбил посередине огорода кол и под вечер надежно привязал к нему козу.

– Пускай она одну ночку на воздухе постоит, – сказал жене Валяхха. – Ничего с ней не случится.

– Господи, да никак, он совсем у меня с ума спятил! – запричитала жена, всплескивая руками. – Решил все-таки скормить мою козочку волку!..

– Будет тебе болтать! – строго прикрикнул на жену Валяхха. – Не зря говорят, что у бабы волос долог, да ум короток. Сказано тебе – ничего с ней не случится, значит, цела останется...

В сумерках Валяхха прихватил из избы армяк, снял со стены ружье и взобрался на сеновал. Отодрав две-три плахи, охотник проделал в стене сеновала подходящее отверстие, проверил, хорошо ли видна из него привязанная в огороде коза, удобно ли прикладываться к ружью, расстелил армяк и прилег на него.

С наступлением ночи коза забеспокоилась. Ее дребезжащее блеяние безумолчно доносилось с огорода, и это подбадривало Валяхху.

– Покричи там немножко, покричи, – тихонько бурчал себе под нос охотник. – Скорее волка приманишь. Уж отсюда-то я его, голубчика, достану...

Валяхха не отводил глаз от привязанной в огороде козы, внимательно оглядывал чернеющую на грядках ботву, чтобы не пропустить ни единого движения и не прозевать подкрадывающегося волка, но ничего подозрительного не замечал.

А небо тем временем начали заволакивать как бы поднимающиеся из-за околицы облака, ночной мрак сгустился, и Валяхха стал не на шутку побаиваться, что в такой темнотище и руки своей не разглядишь, а не то, что подбирающегося к приманке волка. Однако вскоре взошла луна, облака поредели, и стало светлее.

Все вроде бы складывалось удачно для охотника: и коза по-прежнему бляла, и огород проглядывался как на ладони. Одно было плохо – волк не появлялся.

Коротать на армяке медленно тянущиеся минуты оказалось куда томительнее, чем предполагал Валяхха. Охотника начало клонить в сон, но едва лишь он справился с дремой, как ему неудержимо захотелось курить.

«Дак ведь придет он за козой или нет – черт его знает, этого волка, – раздумывал Валяхха. – А я всего один разок-то и затынусь... Армяком прикроюсь... Авось волчина дыма не почует...» Охотник вынул трубку, набил его табаком, осторожно похлопал себя по карманам, однако спичек не обнаружил. Посасывая негорящую трубку, Валяхха решил перетерпеть до появления волка. «Вот ухлопаю его, тогда и покурю», – успокаивал он себя. Но чем дольше он думал о том, как закурит после удачного выстрела, тем сильнее становилось желание закурить немедленно.

«Хотя погоди, а как ты потом закуришь, без спичек? – спохватился охотник. – Все ровно бежать за ними в избу... Давай-ка я лучше сразу за ними сбегаю, пока волка нет... А потом уж и закурю...»

Но прежде чем спуститься с сеновала, Валяхха еще и еще раз самым тщательным образом оглядел огород – все было спокойно.

Для того чтобы сбежать в избу, нашарить на шестке коробок спичек, опять взобраться по крутой лестнице на сеновал и бесшумно подступить к проделанному в стене отверстию, Валяххе понадобилось, наверное, не больше минуты. И если бы существовал подобный вид спорта, а все перемещения охотника контролировались бы спортивными судьями, то Валяхха, несомненно, побил бы мировой рекорд.

«Что-то приумолкла моя коза-дереза, – подумал он, прислушиваясь к гулкому стуку собственного сердца. – Как бы беды не было ...» Немножко отдышавшись, Валяхха выглянул в отверстие и чуть не выронил ружье. Между черными грядками отчетливо белел обрывок веревки...

Видимо, Шурсямга тоже терпеливо караулил свой миг и оказался проворнее охотника...

## XV

Возможно, волк даже и близко не подошел бы к этой несчастной козе, если бы знал заранее, сколько проклятий призовет на его голову вновь оплошавший охотник. Но Шурсямга не был провидцем, а всего лишь волком, который твердо усвоил, что однажды упущенную добычу следует попытаться взять еще раз – и он ее взял.

– Нет, старая, теперь я сам сгину в лесу, но весь волчий род изведу под корень! – немного успокоившись, посулил жене Валяхха и потише добавил: – Только ты уж соседям-то о козе не говори... Скажи, мол, просто подохла – и все... Не то позора не оберешься. Проходу мне не будет...

– Да разве шило в мешке утаишь? – засомневалась жена. – От людей-то, поди, ничего не укроется...

– Тыфу на тебя, старая! – плюнул себе под ноги в сердцах Валяхха, понимая правоту жены. – Видать, родной муж тебе не дорог!..

– Да ведь как же не дорог-то? – с нарочитым удивлением возразила жена. – Для тебя коз теперь не купишься, чтобы ты ими волков подкармливал. Ежели у тебя и дальше так охота заладится, то сам посчитайка, во что нам козы эти обойдутся?

– Э-э, да что тут с тобой толковать? – Валяхха сокрушенно махнул рукой. – Известно – бабий язык, как плохая мельница-ветряк. Ветра нету, а она все мелет. Я этого волка из-под земли достану. Нынче же утром за ним пойду. В Када у него, наверное, логово устроено. Жаль, что я раньше об этом не подумал. Ну ничего! Покуда не разыщу – не вернусь... Ты только язычок-то свой малость попридержи. Не болтай им зря по деревне...

– Ладно уж, ладно... Ступай... Может, хоть какие ни есть косточки от нашей козы соберешь, – не удержалась от ехидного напутствия жена.

Однако расстроенный Валяхха промолчал. Да и нечего было ему сказать-то в свое оправдание.

На охоту он отправился ни свет ни заря. Увязал котомку, перекинул за спину ружье и вышел к околице огородами, чтобы не повстречать ненароком вьедливую свою соседку либо кого-нибудь из односельчан. Не то обязательно прилипнут с разговорами, и тогда своего позора от них не спрячешь...

Пожалуй, никогда еще не выматывался так Валяхха. Но все-таки ему повезло. Во-первых, он нашел волчье логово, а во-вторых – вернулся домой лишь поздней ночью. В противном случае ближние и дальние соседи окончательно замучили бы его своими притворными ахами да охами по поводу козы, которую волк так нахально утащил из-под самого носа лучшего в округе охотника.

Никому не ведомо, какими судьбами, но весть об этом происшествии в тот же день разнеслась по всей деревне. Быть может, пронырливая соседка подслушала, как ночью препирался Валяхха со своей женой во дворе? Кто знает...

Но как бы там ни было, а с утра и до вечера к избе охотника беспрерывно наведывались люди. Приходили они вроде бы для того, чтобы выразить Валяххе сочувствие, а на самом деле поглазеть на него да посмеяться над очередной Валяххиной промашкой. Однако, видя в окошке только пригорюнившуюся хозяйку, молча уходили восвояси.

Теперь же Валяхху больше не заботили возможные насмешки односельчан. За плечами у него сидел в котомке живехонький волчонок.

– Вот, гляди, – самодовольно сказал жене Валяхха, доставая волчонка из котомки и держа его на весу, ухватив двумя пальцами за загривок. – Этот зверь дороже любой козы стоит! Можешь считать, что волчьи шкуры у нас уже на заборе висят.

– Как бы не пришлось тебе шкуру нашей коровы туда повесить. Да и телочки заодно, – равнодушно взглянув на волчонка, уколола охотника жена.

– Опять ты, старая, за свое принялась! – возмутился Валяхха. – Ни черта ведь не знаешь, а туда же... Они за своим волчонком хоть на край света побегут. Неужто ты даже этого не понимаешь?

– Зато ты у меня, видать, слишком много знаешь и понимаешь! – обиделась жена. – Оттого, должно быть, и смеются над тобою в деревне...

Впрочем, Валяхха не расслышал последнего замечания жены, потому что был уже за порогом. Не теряя времени, он пошел настораживать свои капканы. Скулящего волчонка Валяхха оставил пока в избе. И тот, пустив на пол лужу, не мешкая забился под печь.

А обращаться с волчьими капканами охотнику было не впервой. Он заранее выдержал капканы вкупе с цепочками в крепком можжевелевом настое, чтобы отбить запах железа. И сейчас быстро расставил их в подходящих местах, притрусив землей и прикрепив прочными цепочками к глубоко вкопанным тяжелым колодам.

– Давай-ка сюда нашего зверя! Куда он тут у тебя спрятался? – спросил жену Валяхха, возвратясь в избу. – Привяжу я его на огороде, там, где коза наша стояла... Или нет – лучше во дворе... Все равно родители за ним через огород побегут да и окажутся в моих капканах... Так, где у тебя зверь-то?..

– Под печью твой зверь сидит. Бери его и привязывай где хочешь. Но гляди, чтобы утром соседские овцы в твоих капканах не оказались, забеспокоилась жена. – Что тогда делать-то будешь?

– Да не каркай ты под руку! Не то и впрямь беду накличешь, - осадил жену Валяхха.

Он извлек волчонка из-под печи и направился во двор. Там Валяхха привязал волчонка возле сарая, запер внутреннюю дворовую калитку, затем постоял немного на крыльце, покурил на свежем воздухе всласть и только тогда вернулся в горницу и спокойно улегся спать.

## XVI

За день Валяхха прочесал перелесок Када вдоль и поперек. Но на вывороченный ветром вяз охотник набрел лишь к вечеру, когда волков поблизости от логова не было. Иначе, пожалуй, волчьей паре довелось бы совсем худо. А так они потеряли своего волчонка, однако сами остались целыми и невредимыми.

Хотя рассуждать подобным образом свойственно, конечно, скорее человеку, да и то далеко не всякому. Отчаянию же осиротевших волков не было предела.

В тот день Шурсямга и Саркка очень рано ушли на охоту, долго рыскали в ивняках у реки Хырла, потом обшарили окрестные опушки и кустарники, но никакой живности поймать им не удалось. По пути к птицеферме волки свернули к логову и еще издали почуяли запах человека.

Саркка первой сунулась внутрь разворошенной норы и, не найдя в ней волчонка, тоскливо завывала. Ей не понадобилось много времени, чтобы

понять, кто и каким образом похитил ее сына. Волчица была готова немедленно спешить к нему на выручку.

Шурсямга тоже обнаружил следы человека, который унес их волчонка, но бросаться в погоню очертя голову, по мнению волка, не годилось. Запах следов уже остыл, а сумерки еще не достаточно сгустились. Появляться же в деревне засветло волк не решался. Поэтому Шурсямга попытался ободрить и удержать Саркку. Он положил голову ей на спину, но волчица, которой всегда нравилась подобная ласка Шурсямги, внезапно огрызнулась и больно укусила его в шею. Волк растерянно отпрянул в сторону, а Саркка пустилась к ложбине, что вела к деревенской околице.

Шурсямге не оставалось ничего другого, как последовать за Сарккой...

Правда, волки все же не покидали ложбину до ночи, а затем, прячась в кустах и огородной ботве, прокрались к подворью охотника.

Покуда Валяхха возился в огороде со своими капканами, звери неслышными тенями сновали вдоль низкого забора. Но едва лишь охотник привязал волчонка к вбитому возле сарая колышку и, покурив на крыльце, ушел в избу, Саркка ринулась к сыну, не разбирая дороги.

Нетерпеливость и неосмотрительность волчицы оказались для нее роковыми. И уже через несколько шагов тугие железные челюсти капкана с лязгом сомкнулись на ее передней лапе...

На рассвете заспанный Валяхха, позевывая и протирая глаза, вышел на крыльцо. Он подозрительно оглядел двор – волчонок, свернувшись клубком, лежал у сарая. Тогда охотник вразвалку направился к огороду – и невольно разинул от удивления рот. На грядках сидели рядышком два волка. Заметив Валяхху, они одновременно вскочили, оскалились и с глухим рычанием вздыбили шерсть.

– Ружье давай, старая! Ружье-е-е!... – тонко засипел Валяхха, напрочь позабыв о том, что жена еще и не думала вставать.

Пятясь и не спуская глаз с неподвижных волков, Валяхха отступил к крыльцу, на цыпочках взбежал по ступенькам, бросился в горницу и сорвал со стены двустволку. Трясущимися руками заталкивая на ходу патроны в казенник, он опять выбежал во двор.

Оба волка разом кинулись прочь, но один из них тут же упал и задержал лапой, которую защебил привязанный к цепочке капкан.

– Ага, попалась! – торжественно воскликнул Валяхха, разобрав, что в капкане волчица.

Однако в душе охотника все же шевельнулось сожаление – ведь Шурсямге вновь удалось улизнуть. Валяхха мельком заметил, как закачалась листва на черемуховых кустах на соседском огороде, и догадался, что волк покуда еще не убежал далеко, а затаился где-нибудь.

А Шурсямга и в самом деле остановился неподалеку, злобно глядя сквозь ветки на идущего к Саркке человека, медленно поднимающего ружье. До самого рассвета волк старался вызволить оплошавшую подругу. Он вырыл капкан, яростно грыз цепочку, но одолеть железо не сумел. И вот теперь наступили последние минуты в жизни Саркки.



Шурсямга понимал беспомощность ее перед человеком, который сжимал в руках ружье. Волк всем существом своим хотел помочь ей, но даже любовь не смогла подавить в нем страха смерти.

И Саркка уже знала, что к ней приближается неотвратимая смерть. Однако волчица не собиралась отдавать свою жизнь без борьбы. Щелкая зубами и грозно рыча, она прыгнула вперед, чтобы вцепиться в горло человека, но цепочка рванула ее обратно и опрокинула на спину. Саркка мгновенно вскочила на ноги...

И тут в утренней тишине грохнул выстрел.

Рассчитавшись с волчицей, Валяхха на всякий случай прошел в конец огорода, переступил через заборчик на участок соседки. Но Шурсямга не стал больше испытывать судьбу. Одним прыжком он преодолел открытое пространство, что отделяло его от поросшей низкими елочками покотины, и помчался к ложбине.

Без особой надежды на удачу Валяхха выпалил волку вдогон и повернул к убитой волчице.

– Ничего, побегай еще маленько, – бормотал на ходу охотник, обращаясь к исчезнувшему Шурсямге. – Все равно далеко не убежишь. Семейство твое у меня, значит, скоро ты опять заявишься.

Подхватив мертвую волчицу за ноги, Валяхха приволок ее во двор и бросил около сарая.

Увидев мать, волчонок радостно запищал, сунулся к ее брюху, разыскал сосок и жадно припал к нему. Но ни единой капли молока не вытекло из холодного материнского соска. Это огорчило волчонка. Он требовательно тыкал мордочкой в ее обмякший живот, пробовал даже укусить неподвижно лежащую мать, но все его старания были напрасны. Тогда волчонок сел на задние лапы и жалобно заскулил...

И хотя крепко досадили эти проклятые волки охотнику Валяххе, однако и его чуть слеза не прошибла. Будто оборвалось у него что-то внутри, когда глянул он на скулящего подле убитой матери волчонка.

– Вот она, жизнь-то какая... Живешь ты себе, значит, радуешься солнышку, а тут тебя кто-то – раз, и нету... Ну, как я, допустим, твою мамашу, – словно виня себя, рассуждал Валяхха. – Так жалко мне тебя, бедолагу... А что поделаешь? Волчья вы – разбойничья порода. Теперь вот надо еще и отца твоего ухлопать... Да, брат ты мой, надо... Жизнь она такая, милоч... И ничего тут не поделаешь.

Он даже не заметил, что на крыльцо вышла жена.

– Э-э, дак с полем тебя, старый! – поздравила она мужа. – Хоть от одного разбойника наконец-то избавились. Ты чего же не радый?.. Это волчица, что ли?.

Валяхха молча кивнул, хмуро посмотрел на жену и сказал с запинкой:

– Ты вот что, старая... Осиротили мы его, значит... Зверя-то нашего... А голодом его морить не годится... Ты ему молока налей.

– Да налью, налью, – с пониманием откликнулась жена. – Ты не переживай...

Валяхха ничего не ответил жене, а ушел в огород и долго ковырялся там, переставляя капканы.

В этот день люди снова зачастили в избу Валяххи, все поздравляли его, хвалили сноровку и наказывали поскорее изловить и волка. Но Валяхху не радовало восстановление его охотничьего авторитета, внимание соседей тяготило, а на волчонка он и вовсе не мог смотреть – кошки скребли на душе охотника Валяххи...

Дня два Валяхха исправно переставлял пустые капканы. Первые легкие утренники уже трогали инеем все еще зеленую траву в низинах: на березах за околицей будто кто-то желтые лоскутки развесил, а в осинниках появились на ветках ярко-красные пятаки.

Поеживаясь от холода, Валяхха разглядывал в огороде волчьи следы и удивлялся хитрости и чутью Шурсямги. Волк неизменно обнаруживал замаскированный капкан и обходил его стороной. Однако эти же капканы мешали Шурсямге подобраться к сараю, возле которого каждую ночь охотник привязывал волчонка.

На третье утро Валяхху разбудило недоброе предчувствие. Он набросил на плечи стеганый ватник и поспешил на улицу. Во дворе у сарая лежал на земле обрывок веревки, а волчонка не было.

«Ну что ж, значит, родитель его увел, – не испытывая ни разочарования, ни злости, подумал Валяхха. – Интересно, а как он все-таки капканы-то миновал?»

В огороде, на припорошенных инеем грядках, волчьих следов не оказалось. Охотник вышел за ворота и тут увидел в улежавшейся за ночь пыли свежие отпечатки лап Шурсямги. Отчаявшись, наверное, преодолеть капкановые заграждения, волк зашел с улицы, перепрыгнул через забор и спокойно утащил своего волчонка.

Между тем небо все больше и больше светлело. На востоке разливалась широкая заря. А за рекой Хырла, откуда-то из-за края земли, уже тянулись в вышину, подобно растопыренной пятерне, длинные пальцы лучей покуда еще невидимого солнца. С минуты на минуту оно должно было выкатиться по ним на небеса, чтобы растопить ночной иней и согреть все живое своим неверным осенним теплом.

Валяхха присел во дворе на толстое бревно, которое припас для того, чтобы распилить на доски и подлатать ими стену сарая, закурил трубку и начал припоминать, сколько раз так или иначе пересекались жизненные пути его, Валяххи, и этого неуловимого волка. Выходило, что уже больше чем достаточно. Но если раньше при мыслях о Шурсямге охотник чаще всего ощущал только досаду и злость, то сейчас он думал об этом хищнике без какого-либо раздражения, а с возникшим уже у него однажды сочувствием и даже жалостью. Не было у охотника больше желания гоняться за несчастным зверем, но Валяхха понимал, что оставить волка в покое ему тоже не удастся. Сам не захочет, так односельчане заставят. Та же соседка въедливая, у которой волк овцу зарезал, житья не даст...

– А что, пойду-ка я в Шемуршу, – вспомнив о соседке, вслух проговорил Валяхха, выколачивая о бревно докуренную трубку. – Там у Палюша есть пара хороших лаек. Они волка не упустят. А может, и сам Палюш согласится поохотиться вместе со мной?. Глядишь, Палюшу-то и посчастливится...

После обеда Валяхха отправился в соседнюю деревню, чтобы договориться с Палюшем насчет собак и о сроке совместной охоты.

## XVII

Благополучно утащив со двора охотника своего волчонка, Шурсямга понес его в перелесок Када, к старому логову. Волку почему-то казалось, что там их встретит Саркка, как бывало не раз, когда он возвращался с охоты. Но у поваленного вяза никто не встретил Шурсямгу и его маленького сына. В развороченной норе до сих пор еще сохранился запах человека, и это заставило волка ощетиниться и глухо зарычать.

А обрадованный волчонок, которого отец бережно опустил на землю, тотчас скатился в знакомую нору и улегся там в самой глубине.

Шурсямга порыскал вокруг логова, обнюхивая старые следы волчицы, потом уселся на задние лапы, поднял морду к небу и протяжно завыл.

– У-у-у-а-а у!.. – тоскливо понеслось над вершинами насупленных деревьев.

Волк прислушался, не долетит ли к нему откуда-нибудь ответный вой, но никто не отозвался на горестный призыв Шурсямги. Тогда он заполз в нору, осторожно ухватил зубами волчонка за загривок и вытащил из логова. Дальше оставаться в потревоженном человеком жилище было нельзя.

Утренняя заря застала Шурсямгу в непролазной чащобе, далеко от перелеска Када, проселочных дорог и лесных деревушек. Голодный волчонок пищал, дрыгал в воздухе лапами, норовя вырваться из пасти отца. Однако волк не обращал на него внимания и уходил все дальше и дальше в недоступные дебри.

Наконец Шурсямга почувствовал, что надо передохнуть и накормить сына. На краю сухого оврага рос густой орешник, и волк направился туда. Положив волчонка под куст лещины, Шурсямга принялся к легкому ветерку и внимательно огляделся. За оврагом вздымались старые ели, среди которых изредка желтели поредевшие пряди берез, трепетали листвой, как свечки на ветру, молодые осинки, пламенели рябиновые гроздья.

Волчонок поднялся на нетвердые ноги и вопросительно посмотрел на отца, как бы спрашивая, долго ли они еще будут куда-то бежать. Шурсямга ласково лизнул своего несмышленного сына, затолкал поглубже под ореховый куст, а сам потрусил по склону оврага. Волчонок хотел кинуться за отцом, выкарабкался из-под куста, но Шурсямга оглянулся и, заворчав, показал сыну клыки. Ворчание его означало: «Если ты сейчас не спрячешься, то получишь основательную трепку!» – и волчонок это прекрасно понял. Он проворно юркнул под куст.

Прокормиться в богатом осеннем лесу хорошему охотнику не составляет большого труда. Вскоре Шурсямга подкараулил зазевавшуюся на брусничке глухарку-копылуху и перекусил ей крыло. Волк притащил раненую птицу к ореховому кусту и положил ее в сторонке. Волоча крыло по земле, глухарка попыталась спастись бегством, но из куста на нее бросился волчонок и, свирепо рыча, схватил за горло, как бы не чувствуя ударов твердого птичьего крыла и царапающих когтистых лап...

Шурсямга одобрительно смотрел на отчаянно борющегося с глухаркой волчонок, но не сделал ни единого движения, чтобы помочь сыну. А когда птица затихла, они быстро разорвали ее и съели.

После еды волчонок улегся под кустом, ожидая, когда же отец понесет его дальше. Но Шурсямга, очевидно, решил, что малышу пора уже становиться на собственные ноги. Подтолкнув несколько раз своего капризничающего сына, Шурсямга слегка куснул его, и волчонок мгновенно оказался на ногах.

Инстинкт подсказывал Шурсямге, что останавливаться еще рано. Надо уйти как можно дальше от тех мест, где обитает человек, застреливший Саркку. И Шурсямга снова повел своего сына по лесным буеракам и чащам.

У подножья невысокого лесистого холма, поросшего малиной и шиповником, Шурсямга заметил барсучью нору. Волк осторожно приблизился к темному отверстию, тщательно принюхался, внимательно обследовал все вокруг и понял, что хозяин давно покинул свое жилище. Тогда Шурсямга взял волчонок за загривок, и вскоре они уже спали в просторной и теплой норе.

Волчонок не знал, сколько времени они провели на новом месте. С наступлением сумерек отец уходил на охоту, днем они спали, а над входом в нору, укрывая их и храня, все шумел и шумел прозрачный осенний лес.

Дикий зверь всегда помнит о возможной опасности, и поэтому даже сон не притупляет у него обоняния и слуха. Шурсямга часто приоткрывал глаза, поводил носом, наострив уши, прислушивался к доносящимся в логово звукам и опять укладывал голову на лапы. После гибели Саркки волк утроил свою осторожность – вся ответственность за жизнь волчонок легла теперь только на него одного. И, наверное, трудно было бы найти другого зверя, который столь же ревностно исполнял бы свой родительский долг. Ведь не зря же в чувашских деревнях говорят о заботливых отцах, что они пестуют своих детей, словно волки волчат...

А из осеннего леса не долетало никаких подозрительных запахов, не слышалось шорохов, которые могли бы заронить тревогу в сердце Шурсямги. Где-то в вышине ровно шумел ветер, обрывал желтую листву. И волк слышал не только скрип старой сосны, отдаленное постукивание дятла по стволу неохватного дуба, печальные крики табунящихся перелетных птиц, но и невесомый шелест опадающей на присмирившую землю листвы.

Вокруг все было так, как тому и положено быть в не потревоженном человеком осеннем лесу.

Покой и радость наполняли Шурсямгу, когда он взглядывал на безмятежно спящего сына. И, переполненный этой радостью, волк нежно прикасался своей мордой к теплому боку волчонка.

Уши Шурсямги еще оставались неподвижными, когда его сердце вдруг сжалось от страха. Ему показалось, что где-то далеко-далеко прозвучал лай собак. Волк вылез из норы, повернул нос против ветра и насторожил уши. Теперь у Шурсямги уже не оставалось сомнений – за дальними холмами и перелесками, то усиливаясь, то затихая, раздался злобный собачий лай.

При иных обстоятельствах волк не слишком бы обеспокоил невесть где раздающийся собачий брех. Но сейчас Шурсямга понимал, что его сыну может грозить опасность, а поэтому волк решил принять все мыслимые меры предосторожности.

Проснувшийся волчонок подумал, что отец опять отправляется на поиски нового места. И хотя у малыша не было никакого желания покидать барсучью нору, он все же выбрался наружу, готовясь следовать за отцом. Шурсямга немедленно затолкал его внутрь норы и на всякий случай показал ему острые клыки. «Не вздумай высовывать нос из логова, затаись и сиди смирно! Я скоро вернусь!» – услышал волчонок в сердитом рычании озабоченного отца.

Разумеется, волчонок не посмел послушаться родителя, а свернулся клубком на самом дне логова и затих. Откровенно говоря, его даже обрадовал приказ отца. Ведь это означало, что не нужно никуда идти, ни о чем не надо беспокоиться, а можно спокойно спать. Отец всегда накормит его, приласкает, защитит.

А Шурсямга, постояв у входа в нору, принюхавшись и послушав незатихающий злобный лай, тронулся навстречу собакам...

Ровно шумел осенний лес. Медленно опадали сорванные с веток листья. На острой вершине ели, грудью к закату, сидела нахохленная ворона. Длинно вытягивая шею, она время от времени протяжно каркала, хотя в хриплом голосе ее не было беспокойства. Однако вскоре в той стороне, откуда доносился собачий лай, тревожно застрекотала сорока. И тогда старая ворона сорвалась с елки и, тяжело взмахивая крыльями, полетела прочь.

Не замедляя бега, Шурсямга зорко подмечал, как затихает и прячется все живое. Но причиной тому был не волк. Под его лапами не хрустнула ни одна веточка, не шелохнулся ни единый пожухлый листок. Просто никому из лесных обитателей не хотелось попадаться на глаза свирепым собакам, за которыми мог идти человек. И только Шурсямга в неутомимом своем беге стремился навстречу этой грозной опасности.

А лай собак становился все слышней и слышней...

По захлебывающимся собачьим голосам Шурсямга понял, что они напали на его старый след и теперь идут к этой самой барсучьей норе, в которой волк оставил своего сына.

Это, казалось бы, упрощало задачу Шурсямги – перехватить собак и доказать им, что здешние дремучие дебри принадлежат ему. Тут его дом, и он в нем хозяин. Но прежде надо было выяснить, не идет ли за этими

слишком самоуверенными псами человек со смертоносной железной палкой. И потому Шурсямга, сделав круг, пропустил собак мимо себя. Псов было двое, и они, ничего не замечая вокруг, неслись вперед по волчьему следу. Обе собаки были, пожалуй, немногим помельче самого Шурсямги, и волк сознавал, что ему придется драться с ними не на жизнь, а на смерть. Однако это не пугало Шурсямгу, и он был уверен, что сумеет защитить своего беспомощного сына, если, конечно, за собаками не идет человек. И тут в ноздри волку ударил запах пороха и человека. Шурсямга замер, укрывшись за можжевелевым кустом, глядя, как на поляну осторожно выходит ненавистный человек. В руках он держал ружье...

Не теряя больше ни минуты, Шурсямга рванулся наперерез собакам. Ну что ж, значит, схватку с ними придется пока отложить. Самое главное сейчас – увести собак подальше от норы, от спокойно спящего в ней сына. Пока они не добрались до логова, их надо остановить. А там – посмотрим.

Выскочив на открытый со всех сторон бугорок, Шурсямга прислушался к совсем недалекому уже лаю и, задрав морду, протяжно завыл: – У-у-у-о-о-у-у! ..

И если собаки восприняли этот вой как грозный боевой клич и приглашение померяться силами в кровавой схватке, то пробудившийся от близкого их лая, испуганный волчонок услышал в голосе отца совсем другое. «Что бы ни случилось со мной, сынок, лежи тихо, не выходи из норы!» – снова предупреждал его отец.

Собаки разом круто взяли влево, и уже через несколько прыжков они заметили неподвижно стоящего на открытом бугорке волка.

При виде разъяренных своих врагов Шурсямга и сам едва подавил охватившую его ненависть. Дикая злоба на миг затуманил его сознание. Волку захотелось броситься на них, но он вовремя вспомнил о неуловимо приближающемся человеке со смертоносной палкой и кинулся в противоположную от логова сторону, к далеким прибрежным ивнякам, чтобы, окончательно отведя опасность от сына, переплыть через реку Хырла и уйти в тамошние глухие леса, где его уже не достигнут ни собаки, ни человек...

Если бы Шурсямга мог предположить, что охотников окажется двое, то он, конечно, повел бы себя иначе. Волк вдоволь попетлял бы по здешним дебрям, постарался бы отвести собак подальше от людей, разделался бы с глупыми псами на какой-нибудь укромной полянке, а затем ушел бы в недоступную глубь леса. Но Шурсямге было неизвестно, что накануне Валяхха договорился с Палюшем устроить засаду на берегу реки Хырла. А ведь именно туда спешил волк. И как раз там, укрывшись в зарослях ивняка напротив устья глубокого лесного оврага, поджидал сейчас бегущего от преследователей волка охотник Палюш из деревни Шемурши.

Торопившийся за собаками Валяхха был только загонщиком. Его обязанности заключались нынче лишь в том, чтобы направить волка в овраг и гнать к реке.

До сих пор все шло так, как задумали люди.

А на западе, куда бежал теперь уверенный в собственных силах и в своей хитрости Шурсямга, уже зажглась и тускло мерцала первая вечерняя звезда. Солнце недавно скатилось за потемневшие вершины деревьев, и на фоне все еще розовеющего неба эта звезда представлялась еле видимой голубоватой точкой. Она стояла прямо над устьем оврага, и поэтому казалось, что волк стремится достичь именно ее, чтобы укрыться либо превратиться в такую же малую песчинку и, подобно одинокой этой звездочке, мерцающей в безбрежных далях вселенной, затеряться посреди бесконечных лесных пространств.

Однако едва различимая эта звездочка вдруг ярко вспыхнула и, стремительно прочертив по небосклону, канула в неугасших солнечных лучах.

Без нее в небе стало пустынно и сиротливо...

А быть может, и дикие звери тоже рождаются каждый под своей звездой? Самые счастливые из этих звериных звезд сияют ослепительно и долго, другие еле теплятся и жизнь их коротка. И когда срываются они со своих недостижимых высот и тонут в холодных безднах, то где-то в лесной глуши кончаются дни какого-нибудь четвероногого их подопечного? Трудно сказать, конечно. Все может быть...

Так не звезда ли уходящего от погони овдовевшего волка Шурсямги, который видел смерть волчицы и сейчас был готов ради спасения сына пожертвовать собой, закатилась только что над вечерним лесом? Всего лишь маленькая, тусклая звездочка...

Но если это так, то с его гибелью некому будет защитить волчонка от свирепых собак, иссякнет волчий род Шурсямги на земле, и в сумеречных лесах станет столь же пустынно и сиротливо, как на небе, и жизнь будет идти иначе, чем повелела природа. Пусть в малом, но иначе...

Нет, пускай живет волчонок, пускай не скудеют леса и продолжается звериный род на земле.

Слышишь, Шурсямга? Не надейся на свою хитрость, покидай, пока не поздно, овраг. У тебя достаточно сил, рванись вверх по его крутому склону – и ты будешь спасен!

Ну, а что же делать с собаками? Разве они также не принадлежат той самой матери-природе – солнцу и звездам, лесам и полям, – как и дикие их сородичи? Почему же они, собаки, должны травить и способствовать уничтожению себе подобных? Возможно, потому что они – помощники человека, царя природы и повелителя вселенной. Во имя его блага они обязаны денно и нощно сторожить, лаять, преследовать, изгонять... Воля человека – вот единственный и высший для них закон.

А сам человек?.. Земля уже стала ему тесна. Он гордо вступил в просторы вселенной. И повсюду, где прошел человек, остались его следы. Каковы же они – эти следы? Оглянись, человек, посмотри... Ведь ты – венец природы, старший брат всякого сущего на свете зверья, которое стараешься подчинить себе или уничтожить, потому что ты никогда не ошибаешься. Ты всегда и во всем прав, человек. Даже тогда, когда диктуешь свои законы

земле, воздуху, водам – самой породившей тебя матери-природе. Но все-таки оглянись, человек, подумай ...

Пусть же законы твои будут мудрыми и добрыми. Ты сильнее всех во вселенной, а поэтому научись не таить зла и прощать...

Что ж, звезды вспыхивают и гаснут, рождаются и умирают. Но все-таки они вечны. И звезды далеко. А ты живешь на земле. Так вечен ли ты, человек?.

## XVIII

Река Хырла хотя и не особенно широка, но достаточно полноводна. Вьется она лесной стороной, то выглядывая из-за щетины елок, то теряясь в непролазных зарослях черемухи и смятого половодьем ивняка.

Палюш устроился в густом ивняке, напротив выхода из оврага, и внимательно прислушивался к неумолчному лаю собак. Судя по всему, они шли по горячему следу, и волк должен был показаться на узкой проталине, что отделяла овражное устье от прибрежных зарослей, с минуты на минуту.

Все ближе и ближе собачий лай.

Палюш поднял ружье, прижал приклад к плечу.

Охотник ждал волка, готовился к выстрелу, но все же он слегка растерялся, когда зверь выскочил из оврага и понесся прямо на него.

Шурсямга летел громадными прыжками, очевидно, надеясь с ходу проскочить прибрежные ивняки, переплыть реку и тем самым сбить собак со следа.

Он не услышал выстрела. Из кустов навстречу Шурсямге блеснул огонь, острая боль опалила грудь, и волк без звука перекувыркнулся через голову.

Да, вьедливая соседка Валяххи была права: охотник Палюш из деревни Шемурши оказался действительно хорошим стрелком.

– Гото-о-о-ов!.. – по-мальчишески тонким голосом пронзительно закричал он, опуская ружье и выскакивая из засады. – Гото-о-о-ов!..

Но Шурсямга был еще жив.

Он даже услышал голос человека. И этот торжествующий, радостный крик вдруг как бы унял нестерпимую боль, что сковала волка.

Какое-то вечно теплившееся в нем, глубоко запрятанное в волчьем сердце и не подвластное ни человеку, ни зверю чувство внезапно охватило его.

Так ведь это же мальчик!.. Да-да, тот самый, добрый маленький человек, который приютил его в детстве, теперь звонким своим голосом позвал погибающего Шурсямгу. С поразившей его самой ясностью волк увидел своего давным-давно пропавшего друга. Как хорошо с ним играть, возиться на полу в избе, прыгать к нему на мягкую постель!.. Но почему же мальчик опять покидает его?. Куда же ты, мальчик?.. Не уходи, постой!..



Волку захотелось побежать за мальчиком, но тот исчез. И вместо него перед распростертым Шурсямгой появился охотник со своим пахнущим смертью ружьем.

И тогда овладевшая волком нежность сменилась такой неистовой, такой мрачной злобой, которая едва не подняла его на ноги для последней в своей жизни битвы. Шурсямге показалось, что он щелкнул зубами, грозно зарычал, но из его горла вырвался лишь слабый хрип...

Удивленный необычной живучестью волка, Палюш невольно подался назад, отступил в сторону.

И тут Шурсямга, собрав остатки сил, приподнял голову. Он увидел заросли ивняка, поблескивающую сквозь них реку, далекий спасительный лес ... Однако не отрезанный человеком путь к спасению хотелось увидеть сейчас Шурсямге. Он жаждал увидеть своего сына. И если бы всемогущая природа даровала бы в этот миг волку человеческую речь, то в предсмертном его хрипе охотник Палюш уловил бы последние напутствия, которые давал Шурсямга своему несмышленому сыну:

«Не бойся, сынок! Я далеко увел собак, и они тебя не найдут!.. Но все же спрячься получше, потому что ты теперь остаешься один... Я сделал для тебя все, что мог... Слышишь меня?.. Пусть будет счастливой и несгораемой твоя звезда!..»

На узкую проталину выкатились ослепленные азартом погони собаки. Не обращая внимания на стоявшего рядом охотника, они бросились к поверженному волку.

Голова Шурсямги тяжело легла на лапы...

А Валяхха в это время сидел в лесу на пне и пытался закурить трубку. Он слышал выстрел, слышал пронзительный крик Палюша и торжествующий лай собак. Валяхха знал, что его враг Шурсямга мертв. Но это почему-то не радовало охотника. Он прислушивался к равнодушному шуму леса у себя над головой и все сыпал и сыпал табак из горсти мимо своей, чуть подрагивающей в руке, трубки.

Над лесом вошла луна. Но она еще не была золотой, не сияла в полную силу отраженным от солнца светом. Пепельный лик ее был бледен и тускл. А выплывшее вдруг из-за деревьев длинное облачко, словно волчьим пушистым хвостом, прикрыло половину лунного лика, устремив свой победно загнутый кверху край навстречу далеким звездам.

---

\* Кажаман – одно из чувашских прозвищ волка, часто встречается в сказках